

Журнал издается по благословию
Высокопреосвященного Евгения,
архиепископа Верейского,
ректора МДА и С

Учредители

Московская Духовная
Академия
Международный Фонд
единства православных
народов

Главный редактор

иеромонах Петр (Еремеев)
E-mail: ierom@mail.ru

**Заместитель
главного редактора**
Михаил Моисеев

Выпускающий редактор

Владислав Алешин

Редакционный совет:

Александр Войтенко
Владимир Бурега
Михаил Бурмистров
диакон Валерий Кузнецов

Web-дизайн, верстка

Павел Галушко
Дмитрий Сафронов

Корректор

Мария Шабарова

Набор

Людмила Краснова

Фото

Андрей Лисичкин
Петр Касаткин
Андрей Кудряшов

Адрес редакции

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС
Тел.: (09654) 4 12 18
Факс: (095) 742 44 04

Internet: <http://www.mpda.ru>
<http://vstrecha.uchkom.ru>
E-mail: vstrecha_mpda@mail.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 г.

Подписано в печать 24.02.2003 г.
Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2. Зак.

Журнал издается попечением
Международного Фонда единства
православных народов

Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала «Встреча»

Отпечатано в ГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати»

432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСТРЕЧА 2003 • 1(16)

**Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Международного Фонда единства православных народов**

О необходимости расширения миссии Церкви в современном обществе сейчас говорят даже те, кто, по большому счету, не считает себя церковным человеком. Тем более важность этой проблемы понимают в среде верующих. Однако все мы по-прежнему иногда полагаем, что миссия — это что-то вроде ежеквартальной поездки священника в отдаленные оленеводческие станы Чукотки либо тщательно подготовленное мероприятие в рамках «церковно-просветительского лектория» на каком-нибудь заводе.

Так ли это? Задумаемся: сегодня к вере обращаются, как правило, люди зрелого возраста, пережившие порой душевные драмы, прошедшие через нелегкие испытания маловерием, сомнениями и сделавшие свой сознательный выбор в пользу Церкви.

Другое дело — молодежь. Взрослея и подвергаясь на пути нравственного становления серьезным духовным потрясениям, молодые люди не всегда могут понять — где можно получить помощь, врачевание их душевных ран. А ведь поиски «единого на потребу» (пусть подчас бессознательные) у молодых принимают гораздо более искренние и бескомпромиссные формы, нежели у взрослых.

В России — многомиллионное студенчество, десятки тысяч школ. Где же еще проповедовать, как не в молодежной среде? Именно молодые люди сейчас особенно ждут от Церкви слова духовной поддержки, совета. Но с чем мы, сегодняшние и завтрашние выпускники семинарий и академий, войдем в школьные классы, в университетскую аудиторию? Войдем ли мы украдкой, стесняясь своего «ведомственного» семинарского диплома — или займем в сфере образования место, которое в силу специфики предмета нельзя позволить занять другим «соискателям», имеющим авторитетные государственные или даже заграничные дипломы профессиональных атеистов? Сможем ли мы наши богословские знания сделать фундаментом миссионерской работы Церкви?

Материалы по теме богословского образования в современной России, предлагаемые вниманию читателей, рассказывают о проводимой реформе системы духовного образования, а также о тех сложностях, которые стоят сегодня на пути возвращения богословской науки в светские вузы.

Мы убеждены, что от того, насколько успешно будет проходить процесс возрождения богословской науки и духовного образования, зависит успех проповеди Церкви в современном обществе, и в конечном счете, будущее самой Церкви.

Главный редактор иеромонах Петр (Еремеев)

ВСТРЕЧА

Студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Международного Фонда единства православных народов

*Издается с 1996 года
по благословению ректора МДАиС
архиепископа Верейского Евгения
попечением Международного Фонда единства православных народов*

Журнал рассчитан прежде всего на воцерковленную учащуюся молодежь, на всех интересующихся проблемами духовного образования и современной церковной жизни, а также на тех, кто хочет больше узнать о жизни Православной Духовной школы.

Авторами статей журнала «Встреча» являются как преподаватели Московской Духовной Академии и Семинарии, так и студенты духовных и светских учебных заведений, а также все те, чье мнение может быть ценным и интересным для нашей аудитории.

Помимо обсуждения актуальных вопросов церковной жизни, дискуссий, интервью, летописи МДАиС, вы найдете в журнале постоянные рубрики: Богословие, История Церкви, Церковное искусство, Литургика, Патрология, Литература, Мемуары, Философия, Агиография, Паломничество, Православный мир и многое другое.

Большое внимание уделяется истории Московской Духовной Академии, ее вкладу в развитие русской богословской мысли и месту в отечественной культуре.

Наш журнал можно приобрести в церковных лавках Академии и Семинарии и книжных магазинах Троице-Сергиевой Лавры.

Содержание

- **Образовательная деятельность Церкви не может быть чуждой обществу**
Интервью председателя Учебного комитета РПЦ, ректора МДАиС архиепископа Верейского Евгения 4
- **Светские богословы и дипломированные священники**
Михаил Моисеев 8
- **Тверское богословие**
Интервью с заведующим кафедрой теологии ТГУ протоиереем Николаем Васечко 16
- **Теология в светских вузах: взгляд со стороны**
Обзор материалов прессы 20
- **Наши попечители**
Денис Алексеев 26
- **Слово на Рождество**
Святитель Прокл Константинопольский 28
- **Не реформа, а преобразование**
Беседа с протоиереем Николаем Озолиным 31
- **Мировая образовательная практика и конфессиональное богословие**
Интервью декана богословского факультета Софийского университета Ивана Желева Димитрова 34
- **Богословский факультет Софийского университета**
Иеромонах Петр (Еремеев) 37
- **Икона игумена Германа**
Л.В.Ковтырева 40
- **У Преподобного**
Протоиерей Вячеслав Винников 42
- **Мавританские зарисовки**
И.В.Перегонцев 50
- **Русский Дант**
Е.И.Волкова 56
- **Летопись** 61
- **Поэзия**
Диакон Андрей Зуевский, Мартин Галицкий 64

Светские богословы
и дипломированные священники
Стр. 8–15

Воспоминания семинариста 50-х годов
Стр. 42–49

Ад и рай в творчестве Достоевского
Стр. 50–55

На 1-й стр. обложки: Московская Духовная Академия. Фото Петра Касаткина. На 2-й стр. обложки: Покровец на чашу «Знамение» (дипломная работа выпускницы Иконописной школы при МДА Марины Бирюковой, 1998 год). Фото Андрея Лисичкина. На 3-й стр. обложки: «Троице-Сергиева Лавра глазами художников» (фрагменты выставки). На 4-й стр. обложки: А.Власов. «Русский сон» (фрагмент; 1999 год).

При использовании материалов ссылка на «Встречу» обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит Иконописную мастерскую ТСЛ, Иконописную школу при МДА, ЦАК и библиотеку МДА за помощь в подготовке этого номера.

Образовательная деятельность Церкви не может быть чуждой обществу

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА РПЦ, РЕКТОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ АРХИЕПИСКОПА ВЕРЕЙСКОГО ЕВГЕНИЯ

— Ваше Высокопреосвященство, расскажите, пожалуйста, о современном состоянии образования в Русской Православной Церкви. Что изменилось с тех пор, как Церковь получила возможность свободно развивать свое образование?

— Хочу сразу отметить, что я буду говорить в основном о проблемах высшего богословского образования в нашей Церкви. За дошкольное, школьное образование, а также за общепросветительские программы отвечает Отдел по религиозному образованию и катехизации, возглавляемый архимандритом Иоанном (Экономцевым).

Учебный комитет Русской Православной Церкви курирует систему духовного образования нашей Церкви. Традиционные для Русской Церкви учебные заведения — это Духовные академии, семинарии и училища. В перечисленных школах обучаются юноши. При академиях и многих семинариях существуют регентские и иконописные школы — в этих учебных заведениях могут учиться как юноши, так и девушки.

За последние десять с небольшим лет ситуация в сфере церковного образования изменилась коренным образом. Достаточно сказать, что в конце восьмидесятых у нас было всего лишь три Духовных семинарии: Московская, которая находится в Троице-Сергиевой Лавре в Сергиевом Посаде, Ленинградская (ныне Санкт-Петербургская) и Одесская, и две Духовных Академии — Московская и Ленинградская, ныне соответственно тоже Санкт-Петербургская.

В 90-е годы началось массовое открытие новых духовных учебных заведений, но помимо этих традиционных для нашей Церкви образовательных учреждений стали во множестве открываться богословские институты, университеты, во многих светских вузах были открыты факультеты и кафедры теологии. В настоящий момент картина достаточно пестрая, но я постараюсь в ходе нашей беседы обрисовать ее в общих чертах.

На сегодняшний день в ведении Учебного комитета Русской Православной Церкви насчитывается 5 Духовных Академий, 26 Духовных Семинарий, 31 Духовное училище и 4 школы, имеющие статус курсов. В Москве

существует также Православный Свято-Тихоновский богословский институт, который имеет филиалы во многих регионах нашей страны. Я не случайно упомянул отдельно об этом институте. В отличие от всех вышеупомянутых Духовных школ студентам этого вуза выдают государственные дипломы, и это очень важно.

— А почему студентам академий и семинарий не выдают дипломы государственного образца?

— Наши духовные учебные заведения имеют пока только лицензию на образовательную деятельность. Государственной же аккредитации, которая бы ставила дипломы семинарий и академий в один ряд с дипломами государственных высших учебных заведений, у нас пока нет. Но работа по подготовке семинарий и академий к аккредитации ведется.

Первым этапом стало совершенствование нашей образовательной системы. Для достижения этой цели Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 года постановил к 2000 году подготовить переход к новой системе духовного образования, в рамках которой семинарии должны стать полноценными высшими учебными заведениями. Для выполнения этой задачи была создана рабочая группа по разработке концепции новой системы богословского образования.

Суть подготовленной концепции заключается в том, что Духовная семинария преобразуется из четырехлетнего в пятилетнее высшее учебное заведение. Духовная же академия становится местом подготовки богословов, преподавательских кадров высшей квалификации, ответственных церковных работников, а потому приобретает специализированный характер. К реализации данной концепции духовные учебные заведения приступили в 1997 году.

Помимо общих вопросов о совершенствовании духовного образования важнейшей целью этого периода становится взаимодействие со светской системой высшего и среднего образования. Было принято решение об активизации участия представителей Духовных учебных заведений в Координационном совете Министерства образования Российской Федерации и Русской Православной Церкви.

— Недавно был введен государственный стандарт по теологии. Повлияет ли это существенным образом на ситуацию в области богословского образования? Каковы, на Ваш взгляд, могут быть последствия этого шага?

— Да, действительно, в конце прошлого года, наконец, был принят единый государственный стандарт по специальности «теология», который открывает принципиально новые возможности для развития богословского образования в России уже на государственном уровне. Пользуясь случаем, я хотел бы особо отметить ту важную роль, которую сыграл при подготовке стандарта протоиерей Владимир Воробьев, заместитель Председателя Учебного комитета и ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института.

С появлением данного образовательного стандарта мы можем говорить о светском религиозном образовании. Этот факт свидетельствует о том, что в нашем государстве, наконец, перестают толковать понятие «светский» как «атеистический». Таким образом, с утверждением теологического стандарта наша всемирно известная отечественная богословская наука и богословское образование, имеющие многовековую историю, получили возможность вернуться в российскую высшую школу.

Важно отметить, что в процессе выработки стандарта речь шла о стандарте не только для теологических факультетов в светских вузах, но и о возможности его применения в духовных учебных заведениях. При этом

внедрение стандарта открывало бы для духовных семинарий и академий возможность получения их выпускниками дипломов о высшем образовании государственного образца, что означает государственное признание духовных учебных заведений Русской Православной Церкви и их аккредитацию.

С утверждением стандарта вопрос аккредитации духовных учебных заведений из теоретического становится практическим. Для Учебного комитета положительное решение этого вопроса в настоящий момент является первоочередной задачей.

— Все ли в Церкви разделяют такую точку зрения?

— Относительно перспективы государственной аккредитации духовных учебных заведений существуют недоумения и возражения не только в церковной среде, противники аккредитации есть и вне Церкви. Доводы церковных людей сводятся, как правило, к опасениям, что введение государственного стандарта приведет к размыванию традиций духовной школы и даже к ее секуляризации, и, соответственно, они полагают предпочтительным сохранять принцип размежевания светского и духовного образования. Светские же критики считают, что Церковь, несмотря на ее отделение от государства, якобы ищет государственной поддержки своих интересов в сфере образования, и, вопреки светскому характеру высшего образования, подталкивает государство к клерикализации, и даже якобы провоцирует рост межрелигиозной и межконфессиональной напряженности, требуя для себя особых привилегий.

Что касается опасений людей церковных, то хотел бы напомнить им, что открытость обществу — фундаментальная особенность святой Апостольской Церкви. Я убежден, что если не будут использованы открывающиеся возможности государственного признания нашего образования, то мы окажемся виновными в том, что Церковь не всегда на должном уровне осуществляет свое общественное служение. В наступающем веке такие ошибки окажутся непростительными. Тем более, что стандарт «теология» уже используется светскими высшими учебными заведениями.

С недавнего времени благодаря усилиям наших церковных тружеников появилась, наконец, возможность преподавания во многих общеобразовательных учебных заведениях «Основ православной культуры». Но кто будет преподавать в этих школах? Даже самого блестящего выпускника духовных учебных заведений не примут в школы преподавателем в случае, если у него не будет диплома государственного образца. И в результате преподавателями религиозных дисциплин могут оказаться люди, чуждые Церкви. А теперь представим, что, напротив, наши выпускники получают государственные дипломы, и, соответственно, духовные учебные заведения начинают готовить кадры для преподавания в светской образовательной системе. На следующем этапе это позволит говорить о появлении в самых различных сферах трудовой и общественной деятельности высокообразованных специалистов, руководствующихся жизнеутвер-

ждающими принципами Православия. Трудно сейчас даже оценить все те возможности, которые открываются в такой ситуации для церковной миссии.

Таким образом, вопрос об аккредитации — вопрос в значительной степени о будущем Церкви как в смысле существенного повышения уровня образования священнослужителей (а значит и общего уровня паствы), так и в отношении перспективы церковного свидетельства в современном обществе.

Хочу подчеркнуть, что принятие стандарта никоим образом не означает секуляризации духовного образования, в применении к духовным учебным заведениям это означает лишь возможность получить официальное, государственное подтверждение того, что тот уровень знаний, который получает выпускник духовной школы *по перечню светских гуманитарных предметов*, соответствует уровню светской высшей школы. То есть государство не вносит никакого регулирования в сферу собственно религиозных предметов, а судит о них по аналогии — раз в сфере светских предметов, в светском компоненте, все соответствует уровню и формальному стандарту светской высшей школы, то и в дополнительном, религиозном, — очевидно, так же. Таким образом, суть стандарта — в выделении компонента светских предметов из числа всех изучаемых в семинариях и определении перечня требований именно для него. Итак, процесс аккредитации никоим образом не вмешивается в собственно религиозную сферу. Стандарт «теология» — это документ, который подготовлен Церковью, он выделяет из обычного учебного плана духовных школ ту часть, которую Министерство образования Российской Федерации согласилось признавать светской. Это очень большое достижение Церкви и, кстати, знак того, что взаимодействие Церкви и государства вполне возможно и в других значимых сферах жизни.

Но, как я уже заметил выше, существуют возражения и со стороны светских критиков аккредитации духовных учебных заведений. Я далек от мысли, что эти возражения вызваны недоверием к Церкви или негативным к ней отношением, скорее — недопониманием смысла того, что делается Церковью.

Что можно сказать по сути этих возражений? Действительно, Церковь в России и странах СНГ отделена от государства. Но это не значит, что Церковь может быть отделена от общества. Утверждение о том, что образование может быть только государственным, является реликтом тоталитарного прошлого. Уже сейчас существует целая сеть негосударственных, среди них и частных, национально-, культурно- и религиозноориентированных высших, средних и специальных учебных заведений. Роль государства в отношении этих школ — определять тот стандарт, в соответствии с которым они могут быть признаны соответствующими уровню высшего, среднего и иного образования. Подчеркнем, не уровень *государственного образования*, а уровень, *определенному государством* в качестве стандарта.

Сфера образования — это один из важнейших элементов становления гражданского общества в России.

Православные христиане — это интегральная часть российского общества и общества иных стран СНГ. И дело даже не в их числе, хотя оно и весьма велико, а в их *праве*, которым они пользуются как граждане своих демократических государств, получать государственное и общественное признание жизненно важных сфер их деятельности именно как православных, в частности — на получение образования, соответствующего их убеждениям. Эта образовательная деятельность не может быть чуждой обществу, если ее оценивать в таком ключе.

Сфера образования один из важнейших элементов становления гражданского общества в России

Речь не идет о том, что духовное образование будет рассматриваться как обязательное для тех, кто его получать не желает. Мы хотим, чтобы православные христиане, являющиеся полноценными гражданами своей страны, а не изгоями, получили признание своей образовательной деятельности как общественно значимой. Важнейшей характеристикой гражданского общества является стремление к обеспечению гармоничного сосуществования разных культурных и религиозных традиций. Но, еще раз повторю, православные в своей стране — не маргиналы. Общество — это и его культура, и его история, и традиции, в том числе и религиозные. Для наших стран, где православие является культурно- и государственно-образующим фактором, вполне справедливо предполагать, что православное образование займет в обществе достойное место.

Будучи сформулирована таким образом, наша позиция несколько не противоречит политике государства в этом вопросе, о чем свидетельствуют идеи, высказанные

в докладе «Образовательная политика России на современном этапе», подготовленном в Государственном Совете Российской Федерации. Позволю себе привести ряд выдержек из этого документа.

«Образование должно войти в состав основных приоритетов российского общества и государства. <...> Образовательная политика — важнейшая составляющая политики государства, инструмент обеспечения фундаментальных прав и свобод личности, гуманизации общества, роста культуры. Образовательная политика устанавливает на основе общественного согласия коренные цели и задачи развития образования, гарантирует их проведение в жизнь путем согласованных действий государства и общества. К числу основных современных тенденций мирового развития, обуславливающих существенные изменения в системе образования, относятся: ускорение темпов развития общества и как следствие — необходимость подготовки людей к жизни в быстро меняющихся условиях; переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, что требует формирования современного мышления у молодого поколения; рост значения человеческого капитала, который в развитых странах составляет 70-80 процентов национального богатства, что обуславливает интенсивное, опережающее развитие образования как молодежи, так и взрослого населения. <...>

В условиях перехода России к правовому государству... ее специфические проблемы вызваны сменой системы ценностей и социальных приоритетов... В этих условиях образованию предъявляются принципиально новые духовно-нравственные и социально-экономические требования. Школа — в широком смысле этого слова — должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности.

Система образования должна готовить людей, умеющих не только жить в гражданском обществе и правовом государстве, но и создавать их. Образование призвано использовать свой потенциал для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, для преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства.

В общемировой ситуации перехода к постиндустриальному обществу, в условиях многонациональной и многоконфессиональной страны, становления новой российской государственности и демократического гражданского общества обновление образования выступает как решающее условие формирования у россиян системы современных социально значимых ценностей и общественных установок. Именно образование в первую очередь должно собрать воедино эти ценности и установки с передовыми отечественными традициями в новую ценностную систему общества — систему

открытую, вариативную, духовно и культурно насыщенную, диалогичную, толерантную, обеспечивающую становление подлинной гражданственности и патриотизма. Многонациональной российской школе предстоит проявить свою значимость в деле сохранения и развития национальных культур народов России, повышения ценности русского и родного языков, формирования российского самосознания и самоидентичности».

Итак, позиция, заявляемая в цитированном докладе, совершенно созвучна с нашим пониманием взаимодействия Церкви и общества в сфере образования. Что же действительно является проблемой, так это то, что многие нынешние критики деятельности Церкви в ее взаимоотношениях с обществом настолько свыклись с уходящими реалиями богоборческого прошлого, когда Церковь жестоко преследовалась, что не могут допустить и мысли о том, чтобы Церковь заняла достойное место в обществе. Отсюда стремление некоторых ослабить позиции Церкви, не допустить расширения ее взаимодействия с обществом.

Следует отметить, что в отдельных случаях эти стремления не оказываются бесплодными, и инициативы Церкви гибнут из-за бюрократических преград. Однако чаще всего виной такому развитию событий оказываемся мы сами, или точнее, наша недостаточная настойчивость, нежелание использовать все возможности, которые открываются перед нами в данный момент на правовом поле.

— Каким образом Учебный комитет планирует осуществлять управление системой духовного образования в условиях столь кардинальных реформ?

— Безусловно, для успешного осуществления реформы духовного образования необходимо четкое соблюдение вертикали управления всей сетью духовных учебных заведений. Не так давно Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием была утверждена новая структура Учебного комитета, предусматривающая расширение его штатов, а также включение в его состав специальных профильных подразделений. Новая структура Учебного комитета соответствует основным принципам организации работы государственных образовательных административных структур, а также учитывает специфику переходного периода, в котором находится ныне система богословского образования Русской Православной Церкви.

Мы надеемся, что изменение структуры Учебного комитета повысит эффективность его координирующей деятельности на новом этапе реформы духовного образования, предусматривающем существенное повышение учебно-методических требований, увеличение числа преподаваемых предметов, взаимодействие со светским высшим образованием, наукой и культурой, развитие церковных научных исследований.

Беседовал иеродиакон Евфимий (Моисеев)

Светские богословы и дипломированные священники

СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Реформы... Это слово сейчас уже, наверное, мало у кого вызывает положительные эмоции. Действительно, после прошедших десяти лет разнообразных преобразований и перестроек в области государственного строительства и законотворчества, в социальной и, в особенности, в экономической сферах становится как-то неуютно и скучно, когда слышишь об очередном планируемом переустройстве. А тут еще — реформа духовного образования! Переделка в такой области, которая, что называется, по определению ассоциировалась (даже в сознании нецерковных людей) с чем-то вполне традиционным и устоявшимся. Конечно, сразу же возникает множество вопросов, и не только в церковной среде. Это уже не новость: сфера церковно-государственных отношений — предмет пристального интереса как противников укрепления положения Церкви в нашем обществе, так и людей, сочувствующих ее нуждам.

Наглядным проявлением такого интереса — и в первую очередь со стороны государственной власти — стали прошедшие в начале октября в Москве и Сергиевом Посаде конференции, посвященные проблемам реформы духовного образования в России. С 9 по 11 октября в Московской Духовной Академии работала конференция «Реформа системы духовного образования Русской Православной Церкви», а параллельно ей в Москве, в Администрации Президента, состоялась конференция «Взаимодействие государства и религиозных организаций в сфере образования». Завершили свою работу оба форума совместным заседанием 11 октября в Московской Духовной Академии.

Почему государственные чиновники высшего уровня (а инициаторами проведения Конференции в Администрации Президента стали его Полномочные представители в Центральном, Приволжском и Южном округах, то есть, соответственно, Г.С.Полтавченко, С.В.Кириенко и В.Г.Казанцев) внесли в план своей работы участие в сугубо, казалось бы, церковном мероприятии? Какие цели преследуют власти, и чего ожидает от наметившегося

сотрудничества сама Русская Православная Церковь? Вообще, что за нужда реформировать систему духовного образования, успешно, по мнению многих, функционирующую уже не одно десятилетие? Как, наконец, изменятся отношения между Церковью и государством с точки зрения происходящих процессов? Ну, и, наконец, вопрос, интересующий уже не только и не столько «внешних», то есть людей нецерковных, но самих учащихся Духовных школ: что нового принесет реформа в их жизнь? Попытаемся ответить для себя на эти вопросы, опираясь на мнения участников Конференции как со стороны Церкви, так и государства.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Прежде всего, конечно, стоит вспомнить о том, что духовное образование в России — это, несомненно, огромный культурный пласт нашей истории. Сложившееся в общих своих чертах примерно на рубеже XVII-XVIII веков, оно затем с большим или меньшим успехом выполняло свою основную миссию: подготовку церковных кадров, прежде всего священнослужителей. Не секрет, что первоначально система духовного образования была скопирована с западных образцов и поэтому не вполне оправдывала надежды, на нее возлагавшиеся. Как следствие — неоднократно проводившиеся реформы духовного образования, имевшие своей целью максимально приблизить в целом схоластическую богословскую науку к реальной церковной жизни. Напомним, что только за одно XIX столетие система духовного образования претерпевала реформирование трижды.

Историчекий аспект проблемы затрагивали в своих докладах многие выступавшие. В частности, доцент Московской Духовной Академии В.Д.Юдин отметил, что при планировании новой реформы духовного образования совершенно необходимо обращаться к уже имеющемуся опыту. Пусть дореволюционные реформы проводились в иных условиях, — полезной может стать сама концепция

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

преобразований, имевшая своей главной целью, во-первых, дальнейшее развитие и упрочение традиций Духовных школ как центров подготовки прежде всего будущих пастырей Церкви, а, во-вторых, создание предпосылок для повышения уровня преподавания богословской науки. Это мнение разделяли и другие докладчики.

По словам митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, когда мы говорим о новом реформировании системы духовного образования, «речь идет о некоей норме: богословское образование должно быть достаточно динамической частью общей церковной жизни и развиваться в соответствии с тем, как развивается сама жизнь. Наверное, эту реформу нужно было провести давно. Может быть, идеально было провести ее в середине XX века, но не до реформ было тогда в Советском Союзе». Да, действительно, годы, когда «простому советскому человеку» небезопасно было даже появиться в церкви, не то чтобы учиться в семинарии, для дела реформирования Духовных школ были потерянными временем. Не надо забывать, что после десятилетий государственного атеизма церковная богословская наука во многом утратила свой прежний потенциал. Это ощущалось особенно остро в послевоенные годы, когда в Духовные семинарии поступали бывшие фронтовики — люди искренне и глубоко верующие, но по вполне очевидным причинам не блестяще образованные.

Митрополит Кирилл: «Мне довелось учиться у профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии, выпускников 1913–1917 годов. Они были промежуточным звеном, они нам еще рассказывали о том, как функционировала тогда Духовная школа, какие были традиции,

обычаи, каков был научный уровень. И эти профессора, хотя их оставалось очень немного, и большинство из них были травмированы репрессиями и личными страданиями предшествующих лет, сумели адаптировать высокий уровень дореволюционных богословских школ к весьма низкому общеобразовательному уровню абитуриентов, которые приходили в наши семинарии и академии после Великой Отечественной войны; иногда в шинелях, кирзовых сапогах, с незаконченным средним образованием. Какой греческий? Какая латынь? Надо было дать минимальные знания и вместе с тем все-таки не уронить общего уровня, не разрушить стандарт».

СТАНДАРТ, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, АККРЕДИТАЦИЯ...

Слово «стандарт» теперь уже прочно вошло в лексикон людей, занимающихся проблемами современного духовного образования, хотя и заимствовано оно из светского обихода. Собственно, именно об этом понятии, о его содержании и правильном его толковании, в основном, и шла речь на конференциях. Исторически в этом термине нет ничего нового. До революции под стандартом духовного образования (конечно, самого выражения «стандарт» тогда еще не было) подразумевалась некая сумма знаний по ряду дисциплин. Однако существовала довольно устоявшаяся и апробированная система преподавания школьного (то есть научного, систематического) богословия. Причем уровень получаемых в Духовных учебных заведениях знаний был очень высок. Это относилось, в особенности, к церковно-историческим дисциплинам и изучению Священного Писания и святоотеческих текстов.

В этих областях отечественные ученые-богословы преуспевали больше, находились в авангарде мировой богословской науки; в чем-то их достижения были менее значительными. Разумеется, так же, как и в светских науках, в богословии существовала и существует определенная специализация, разделение на основные направления исследований. Это вполне оправданная практика. Митрополит Кирилл: «Нельзя стать блестящим богословом вообще, как нельзя быть просто хорошим или блестящим математиком — даже самый образованный математик является специалистом в конкретной области. Каждый полководец хорошо знает: невозможно совершить прорыв на всем фронте — выбирается отдельный участок для атаки, и на этом участке концентрируется интеллектуальная, духовная, материальная сила. То же самое в науке, то же самое в богословии. Для того чтобы обеспечить эти прорывы на узких участках, для того чтобы достичь мирового уровня, необходимо иметь действительно сильную специализацию в Духовных школах».

Необходимость введения специализации — это притча во языцех Духовных школ. О ней столько уже говорилось и в высоких кабинетах, и в студенческих кельях, составлялось столько замечательных программ и проектов, причем не только за последнее время, но и в послевоенные годы, и гораздо ранее, в XIX веке. К сожалению, пока осуществлению этих планов не суждено было сбыться. Православная Церковь, пережившая в прошлом

Преподаватели Духовных школ обсуждают доклады

столетия тяжелейшие гонения, стремилась хотя бы минимально сохранить саму систему духовного образования. О завоевании лидирующих позиций в мировой богословской науке долгое время приходилось лишь мечтать. Справедливости ради отметим, что и в этих тяжелых условиях церковная наука подчас совершенно удивительным образом рождала в своих недрах выдающихся церковных ученых. Имена профессоров А.И.Саргарды, А.И.Георгиевского, Н.П.Доктусова, Н.Д.Успенского, протоиерея А.Ветелева и многих других — это наш «зал славы». Благодаря сохраненной ими и переданной ученикам живой традиции русского богословия и стало возможным посильное возрождение системы Духовных школ после Великой Отечественной войны и позднее, в период застоя. Хотя, по словам владыки Кирилла, «...то время нельзя было назвать застойным для нашего богословского образования. То был период накопления сил, концентрации мысли. Я думаю, все это и способствовало во многом тому, что в новую эпоху, когда наша Церковь оказалась в условиях свободы, появились и священники, и епископы, способные действовать в этих новых условиях».

«НОВЫЕ УСЛОВИЯ» И «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Изменившиеся условия, о которых упомянул митрополит Кирилл, означают не только и не столько наличие благоприятной обстановки для усиления позиций Русской Православной Церкви в России, как об этом принято писать в кругах демократической журналистики. Церковь, как одна из наиболее влиятельных сил на современной политической арене, не может не участвовать в происходящих в России общественно-политических процессах, в том числе и в духовно-нравственном воспитании молодежи. Поэтому совершенно естественно ее стремление высказать свое мнение и по поводу нынешнего положения дел в системе духовного образования, коль скоро в ней обучаются многие тысячи юношей и девушек — наших сограждан. Плюс ко всему, вскоре

эти юноши и девушки сами станут воспитателями и преподавателями, понесут на своих плечах труд духовного просвещения.

Новые условия — это и прозвучавшее уже с высоких государственных трибун признание того факта, что достойное образование и, в более широком смысле, воспитание молодежи невозможны без опоры на традиционные для России ценности Православия.

Благоприятная особенность сложившейся ситуации еще и в том, что за последние двадцать-тридцать лет в среде верующих людей сформировалось целое поколение, духовно и интеллектуально способное к реализации сложных задач, стоящих ныне перед Церковью. При этом одной из основных целей является восстановление системы образования, как светского, так и церковного. Разумеется, восстановление это, допустим, в государственных вузах, мыслится не как реставрация старых советских схем (хотя они и до сих пор не кажутся нам столь уж малоэффективными — спрос на наших специалистов на западе говорит о высоком уровне их подготовки), но как возвращение к лучшим традициям, существовавшим в русском образовании и в советское время, и ранее. Почему же государство, формально и фактически отделенное в России от Церкви, столь недвусмысленно высказывается за сотрудничество с ней в деле образовательных реформ?

Вот, например, мнение С.В.Кириенко по этому поводу: «Во-первых, потому, что образование — это общая задача не только государства, но и общества, самых разных институтов общества, и, в первую очередь, религиозных организаций, Церкви. Во-вторых, потому, что за десять лет преобразований в России мы, видимо, тоже хорошо поняли, что все-таки «не хлебом единым жив человек». Комментируя эти слова С.В.Кириенко, добавим, что буквально в последний год-два в лексиконе российских политиков появился новый термин: «духовная безопасность». До сих пор власти были заняты обеспечением

Доцент МДА В.Д.Юдин готовится к выступлению

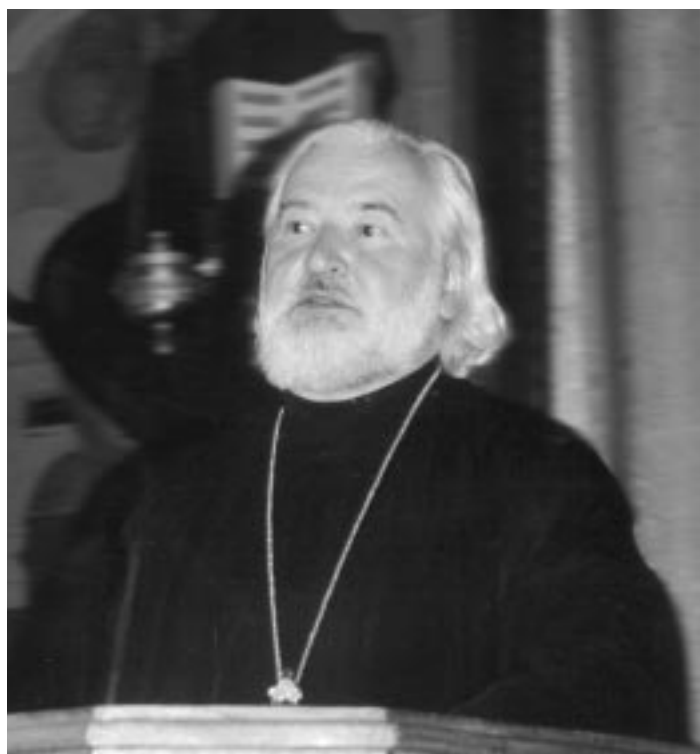
государственной, экономической или экологической безопасности страны. В последнее время все чаще упоминается об информационной безопасности. Но — духовная безопасность? Как сочетаются эти два слова? Дело ли государства — определять какие бы то ни было критерии, выносить суждения, относящиеся к области духовной жизни? «Да, государство не должно вмешиваться в дело конфессий, но государству не все равно, на основе каких нравственно-этических норм строится целостность страны, строится вообще российская государственность», — таково мнение С.В.Кириенко.

ТЕОЛОГИЯ = СВЕТСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

К сожалению, такое понимание проблемы нельзя назвать в качестве общеобязательного для людей, далеким от Православия или внутренне обособляющимся от любых «конфессионально окрашенных» вопросов. Более того, даже в церковных кругах нет сейчас единомыслия по поводу целей и содержания намеченной реформы. Об этом говорил в своем интервью нашему журналу ректор Московской Духовной Академии архиепископ Евгений, отмечали этот факт и другие участники конференции. В частности, ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев в своем выступлении отметил, что «...сначала, в первое время, надо сказать, большая часть епископов, клириков говорили: «А зачем это все нужно? Неизвестно, откуда ветер дует, что это принесет нам. Вот, мы тут хорошо сидим вместе, и у нас тепло и все в порядке. Что еще нужно? Зачем выходить за эти стены?» Было большое нежелание чем-то заниматься и недоверие к тому, что это даст, ведь мы привыкли всего бояться за этими стенами. Поэтому: а вдруг к нам сюда проникнут какие-то враги и все здесь перевероят, испортят нашу жизнь, — лучше не надо. Однако, такая позиция, вы сами понимаете, предрешает наше поражение». Кое в чем время было на самом деле упущено. Но, как выясняется, торопиться с внедрением новых механизмов тоже не стоит. Об этом участники форума скажут позднее.

Для осуществления реформы необходимо, разумеется, наличие определенных технических и организационных возможностей, но это не является определяющим фактором. По словам протоиерея Владимира Воробьева, законодательное обоснование, то есть та юридическая база, которая может или послужить аккредитации или, наоборот, воспрепятствовать ей, — это второстепенное условие успешного проведения реформы.

Гораздо важнее — найдутся ли в церковной среде те, кто согласится оставить уют и покой церковных или монастырских стен и, по выражению отца Владимира, «все-таки выйти за стены своего гетто, за эту колючую проволоку и попробовать как-то, как говорят теперь, интегрироваться в национальную государственную жизнь?» Прошедшая конференция во многом послужила именно тому, чтобы сомневающиеся или еще не задумывавшиеся над этой проблемой разрешили для себя такой важный

Ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев

вопрос. Хотя и чисто технические моменты — сам механизм получения аккредитации и другие схожие проблемы — очень интересны. Так, например, по мнению протоиерея Владимира Воробьева, для облегчения прохождения всех необходимых формальностей и получения аккредитации нынешним Духовным школам удобнее иметь статус не религиозных организаций (как это принято сейчас), а негосударственных учебных заведений. Ректор Свято-Тихоновского института соглашается, что такое наименование не вполне соответствует предназначению Духовных школ, но — «можно бороться, спорить, доказывать свою правоту — и надо это делать, конечно. Но пока, нужно признать, такое толкование (статуса Духовных школ как религиозных организаций — Ред.) настолько распространено, настолько крепко сидит в сознании административных работников, что понадобится немалый срок, чтобы что-то изменить. И легче, пожалуй, пойти другим путем: изменить свой устав и назвать себя негосударственным учебным заведением. Это легче. Тогда законодательство нам никак не препятствует в получении аккредитации».

Вполне может оказаться так, что большую пользу состоявшийся диалог Церкви и государства принесет не церковным деятелям, не учащимся семинарии или академии, но, прежде всего, тем работникам государственной сферы образования, которые смотрят на перспективы введения в светских учебных заведениях теологического стандарта все еще с позиций научного атеизма. А идеологические штампы советского времени, как отмечали участники конференции, еще очень сильны в сознании многих людей. Например, порой совсем непросто бывает

объяснить какому-нибудь чиновнику, что отделение Церкви от государства, определенное российским конституционным правом, не означает, однако же, отделения Церкви от общества. Есть и более тонкие и не заметные на первый взгляд особенности современного законодательства, о которых полезно помнить.

О них достаточно полно и интересно говорил протоиерей Владимир Воробьев: «В основном законе нашего государства, Конституции, говорится, что наше государство — светское. И вместо ленинского Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» теперь в нашем законе сказано, что «религиозные объединения отделены от государства». Ничего не говорится в Конституции об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Вы сами понимаете, что эти законодательные сдвиги очень большие, они дают нам огромные возможности. Но, опять-таки хочу обратить ваше внимание: сознание наше часто еще отстает, не только в Церкви, но и в администрации, даже в правительстве очень многие продолжают мыслить по-старому». Так что при необходимости всякому столкнувшемуся с чиновничьим рвением священнику или преподавателю надо быть готовым к тому, чтобы на понятном нашему оппоненту юридическом языке объяснить: Церковь у нас от государства не отделена. У нас отделены религиозные объединения, речь идет о технических вопросах, то есть государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений. «А о том, что школа отделена от Церкви, — продолжает отец Владимир, — вообще речь не идет в законе. Так что у нас есть новые большие возможности».

«СВЕТСКОЕ» И «АТЕИСТИЧЕСКОЕ» — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ?

Другая подобная ситуация, возникшая в процессе разрешения проблемы, — непонимание многими государственными мужами разницы между терминами «светский» и «атеистический». Светский характер образования, прописанный в наших законах, воспринимается ими только в контексте отсутствия или даже неприятия в учебных курсах любых религиозных идей. Хотя нет ни одного документа и тем более закона, в которых бы говорилось о государственной системе атеистического образования. В результате многолетних обсуждений и споров руководство Министерства образования, наконец, согласилось, что «светское» и «атеистическое» — это вещи совершенно разные. Характерно в этом смысле высказывание С.В.Кириенко: «Да, в школах и в институтах исчез курс научного атеизма. Но если разобраться с мировоззренческими установками, заложенными в основу школьных программ, мы вынуждены будем признать, что онтологически и с точки зрения ценностного ряда, школьное образование построено на философии атеизма (даже если преподаватели не отдадут себе в этом отчета). И государство, поддерживая такое положение вещей, не создает сегодня равных условий для различных мировоззрений, а значит, нарушает заявленный

Работа в секциях

принцип равнодоступности и равноприближенности. Поэтому важнейшим вопросом с точки зрения общего образования — это одна из задач, которым была посвящена конференция, — является все-таки введение преподавания в общеобразовательных школах курса «Основы духовной культуры и этики» (это вариант названия, может быть, нужны какие-то другие слова). Заметим, что даже в стенах Московской Духовной Академии г-н Кириенко не посчитал возможным согласиться с принятым в Церкви названием этого предмета — «Основы православной культуры».

Несмотря на положительные сдвиги, практически процесс внедрения даже утвержденного стандарта теологии идет очень непросто. По мнению С.В.Кириенко, «Основы православной культуры» (или нечто подобное этой дисциплине по названию) в качестве школьного курса обязательно должно быть. В отношении же введения такого курса в вузах была высказана такая точка зрения: «Кроме конфессионального образования, то есть собственно подготовки священнослужителей, для государства принципиально важной является подготовка специалистов, которые, оставаясь светскими людьми, имеют хорошее богословское, или теологическое, образование. Поэтому наличие в общегражданских институтах и университетах кафедр, факультетов теологии и богословия является принципиально важным для государства. Было бы желательно, чтобы это преподавание велось как раз параллельно, то есть, чтобы люди, обучающиеся богословию (или теологии), находились рядом, в той же среде, в которой учатся специалисты других светских гуманитарных специальностей, потому что это полезно и тем, и другим. Например, сегодня, когда мы сетуем на непрофессионализм журналистов в вопросах религии, это очень часто объясняется не их злонамеренностью или злокозненностью, а просто отсутствием элементарных знаний, образования и подготовки. Это тоже важнейший вопрос для государства».

Министерство образования высказывается за то, чтобы учебные курсы, разрабатываемые для вузов, были поликонфессиональными. Это значит — не содержали бы проповеди того или иного вероучения и давали материал студентам, так сказать, с неким отстранением,

«объективно», как любят говорить сторонники «общечеловеческих ценностей». Возможно, такое видение вопроса возникает у государственных чиновников из-за неверного понимания целей, которые ставит перед собой Церковь. А она совсем не стремится с помощью законодательной казуистики «под шумок» проникнуть в стены государственных учебных заведений и начать там вербовку новых своих членов — это чисто сектантские методы, они Церковью не приемлются. Цель иная: помочь светским специалистам в составлении учебных программ по тем дисциплинам, которые традиционно разрабатываются именно церковной наукой. Зачем, в конце концов, государству изобретать велосипед, когда у Церкви есть богатейший опыт преподавания церковно-исторических и собственно богословских дисциплин, причем в самых различных вариантах и самой разнообразной аудитории?

С другой стороны, Церковь пытается добиться государственного признания существующей системы духовного образования. Иными словами — признания того, что уровень получаемого в духовных школах образования отвечает определенным стандартам, которые должно установить государство. Конечно, невозможно адекватно уравнивать собственно церковные учебные дисциплины с обыкновенными светскими курсами. Да это и не требуется. Речь идет о том, чтобы некий набор уже существующих в Духовных школах курсов общеобразовательных дисциплин был в установленном порядке оценен государством. В случае соответствия уровня преподавания этих предметов Духовные школы должны иметь право на выдачу своим выпускникам дипломов, признающих не только в Церкви, но позволяющих трудиться и в светском образовании. Государственный стандарт не затрагивает — да и не может затрагивать — «профильные» богословские дисциплины. Вот, собственно, и вся схема, в той ее части, которая касается духовных школ.

Интересен ответ С.В.Кириенко на поступивший ему из зала вопрос священника, окончившего Духовную академию и имеющего уже двадцатилетний опыт преподавания того, что мы сейчас называем «Основами православной культуры», в различных учебных заведениях. «Мы все понимаем, — сказал Полномочный представитель, — что, с точки зрения компетентности и профессионализма этого человека ничего лучше и придумать нельзя, ни один педагог, прошедший государственный вуз, не в состоянии будет преподавать этот предмет на таком уровне, но формально мы приходим в противоречие с законом. Значит, нужно решение о признании, нужен нормальный механизм утверждения диссертаций в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии — Ред.), то есть, механизм признания старых диссертаций и защиты новых диссертаций по стандарту теологии, что, еще раз подчеркну, может позволить и государству взять на себя часть ответственности по финансированию образования, в том числе конфессионального».

Таким образом, озвученная С.В.Кириенко позиция государства, пусть и вполне прагматическая, позволяет надеяться на то, что в ближайшее время преподавание стандарта теологии в высших учебных заведениях

сможет приобрести какие-то осмысленные и приемлемые для Церкви формы.

Кстати, проблема государственного признания существующих в церковной науке ученых степеней и написанных студентами Духовных школ дипломных работ также поднималась на совместном заседании. Этому вопросу был посвящен доклад доцента МДА, профессора МГУ А.А.Волкова. Трудности, могущие возникнуть при этом, того же порядка: ВАК, рассматривающая кандидатские и докторские работы в области богословия, должна иметь в своем составе специалистов-теологов, а этого, скорее всего, в ближайшем будущем пока не предвидится. В целом, порядок прохождения всех необходимых для защиты научных работ формальностей (в том числе и дипломных — студентами семинарии) станет более сложным.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Ну, и, наконец, то, что более всего интересует самих студентов Духовных школ — тех, кого реформа затронет самым непосредственным образом: как изменится их жизнь? Какие предметы предстоит им изучать по новым программам? На каких дисциплинах сделан будет акцент?

На нынешний момент ответить подробно и точно на все эти вопросы нельзя — еще слишком мало прошло времени, не все необходимые технические детали проработаны, а в принятых программах еще есть места, вызывающие у церковных специалистов определенный скептицизм. Об этом говорил и митрополит Кирилл: «При составлении стандарта, к сожалению, минимально была учтена традиция нашей богословской школы. Даже с точки зрения предметности. Предпринято совершенно правильное усилие: объединить предметы в некие широкие области знания. Но как будет реализован этот принцип, надо еще посмотреть. Поэтому у меня нет каких-то особых восторгов по поводу этого теологического стандарта». Что касается учебной программы семи-

За обсуждением докладов

нарии, то высказываются такие предложения: первые четыре года обучения будут посвящены преимущественно изучению тех дисциплин, которые и составляют государственный теологический стандарт. Надо при этом помнить, что не обязательно это будут литургика, догматика и прочие богословские дисциплины. Естественно, этим предметам будет уделяться определенное внимание, но все же углубленному их изучению, по замыслу авторов реформы, будет посвящен пятый год обучения. Как сказал об этом митрополит Кирилл, пятый курс «...должен быть исключительно пастырским. Если, допустим, в семинарии учится человек, который не хочет стать священником или, может быть, учится девушка (это вполне возможно), то достаточно закончить четыре года и получить диплом бакалавра. Если же студент хочет быть священником, нужно закончить пятый год — пастырский. Там будет изучаться: практическое руководство для пастырей, церковный устав, пение, основы канонического права, практические занятия, то есть все те дисциплины, которые готовят священника. Так вот, по окончании пятого года можно будет получать диплом специалиста, что соответствует нашему государственному диплому об окончании вуза».

Эта схема похожа на ту, что принята в светских вузах, где первые три года обычно отводят под изучение, так сказать, общих дисциплин, и только на последних двух, как правило, приобретаются знания собственно по профилю выбранной специальности. Конечно, вопросы есть и здесь: почему, например, желающим принять священный сан предоставляется лишь год для приобретения знаний по «специализации»? Затем, если диплом, соответствующий государственному вузовскому, можно будет получить только после пятилетнего

курса, то что будет ожидать тех, кто захочет учиться четыре года? Каков будет результат их учебы, неужели они не смогут получить «конвертируемый» диплом?

Кроме того, остаются пока и вопросы по поводу предметного наполнения семинарского курса обучения. Несомненно, для будущих священников необходима филологическая подготовка, о которой много говорится сейчас. Непонятным остается следующее: отчего при увеличении (многократном, как планируется) почасовой нагрузки в изучении древних и новых языков параллельно уменьшается количество часов, отводимых на изучение догматического, основного богословия, Священного Писания, святоотеческих трудов, то есть всего того, что и составляет основу богословского образования? Видимо, планируется наверстать это на последнем, пятом, курсе. Обоснованность такого подхода может быть проверена только со временем, о чем, собственно, и говорили неоднократно участники конференции.

Здесь позволим себе кратко обратиться к историческому опыту Церкви. В свое время митрополит Алексей (Симанский), будущий Патриарх, так высказался по поводу дореволюционного опыта системы духовного образования. «Прежняя Духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава. ...Слабой стороной прежней Духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству, сословию, в общем, бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой задачей ее было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника, или диакона, или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков, и от этого получалось, что такие подневольные питомцы Духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон его церковного настроения. С другой стороны, и само руководство допускало несвойственные строго Духовной школе послабления в отношении режима и общего внутреннего уклада. И получалось, что наши Духовные школы носили полусветский характер, который отражался на всем строе — учебном и воспитательном. Теперь же так не должно быть, и так не будет. ...Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться».

Нужно, разумеется, делать определенную скидку на особенности послевоенного времени, когда само существование Духовных школ было еще под вопросом, но, как кажется, эти слова в каком-то смысле не потеряли своей актуальности и донныне.

Высказываются иногда опасения, что в будущем, после завершения четырехгодичного курса обучения мало кто из студентов Духовных школ пожелает продолжать учебу для приобретения необходимого для священства образовательного минимума. Или, по крайней мере, желающих будет меньше, чем сейчас, ведь даже без пятого курса полученное в духовном учебном заве-

дении образование будет иметь определенный государственный статус, и выпускник сможет найти себе применение уже после четырех лет учебы. В этом смысле авторы реформы, как кажется, правы в том, что они не боятся уменьшения числа стремящихся к пастырскому служению. Ведь в новых условиях решение посвятить себя этому нелегкому делу будет приниматься тем или иным молодым человеком с учетом реальной альтернативы в виде возможности трудиться на поприще церковной науки, преподавания или в иных сферах деятельности, соприкасающихся с церковной жизнью, — то есть совершенно осознанно.

В конце концов, не столь важно, где, на каком месте будет подвизаться тот или иной выпускник Духовных школ. Главное, чтобы он после нескольких лет, проведенных в семинарии или академии, вышел за ограду своей школы, будучи способным воплотить в конкретном деле теоретические знания, накопленные им за годы учебы. Чтобы эти знания стали мощным и функциональным инструментом для проповеди. Пусть, повторимся, эта проповедь будет звучать и не с церковного амвона, а его богословие будет не академическим — в традиционном понимании. В современном наукообразном языке для такого рода богословия найдено название — «контекстуальное». Разъяснил содержание этого понятия митрополит Кирилл: «Возьмите «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — это и есть контекстуальное богословие. Это то самое богословие, которое живет. Верующий, неверующий открывает, читает — и ему все становится ясным. Ему ясно, почему Русская Церковь против аборта и эвтаназии. Ему ясно, почему у Русской Церкви есть свой комментарий к глобализации, и в каком смысле Церковь не приемлет глобализацию». Добавим от себя, что для Русской Православной Церкви одним из основных направлений деятельности является сейчас так называемая внутренняя миссия, то есть проповедь Евангелия нашим соотечественникам, оказавшимся вне церковной ограды в силу полученного ими атеистического воспитания. А вести эту миссию необходимо на доступном современному человеку языке — это азбучная истина. Понятным же язык нашей проповеди будет тогда, когда он будет опираться на Священное Писание, Предание,

традиции Церкви, когда наше богословие будет не схоластическим, но живым, прочувствованным нашим сердцем. Вот это и есть, по выражению митрополита Кирилла, контекстуальное богословие. «Вот такое богословие, — подчеркнул он, — мы должны развивать, таким богословием должны быть вооружены выпускники наших Духовных семинарий и академий. Тогда место Церкви в обществе будет другим. Тогда нам не нужно будет бояться заезжих миссионеров».

Действительно, без приобретения живого духовного опыта, дающего человеку мировоззренческую и нравственную опору в жизни, любые научные достижения, в богословии в том числе, будут как минимум малоэффективны. «Всякая реформа богословского образования, — по мнению владыки Кирилла, — будет действительна в том случае, если, находясь в Духовной школе, мы будем воспитывать не только свой ум, но и свое сердце, и научимся быть современными православными христианами».

* * *

По окончании заседания была организована пресс-конференция, на которой выступавшие ответили на вопросы аудитории. Более подробную информацию (доклады участников) можно найти на портале Учебного комитета (<http://www.bogoslov.ru>).

Духовное образование: начало пути

Михаил Моисеев, III курс МДА

Тверское богословие

25 июля 1997 года в Тверском государственном университете на базе педагогического факультета была открыта первая общеуниверситетская кафедра теологии в светском вузе России. О ее деятельности мы попросили рассказать заведующего кафедрой, кандидата богословия, протоиерея Николая Васечко.

Заведующий кафедрой теологии Тверского университета протоиерей Николай Васечко

— Отец Николай, расскажите, пожалуйста, как начиналась кафедра теологии.

— Нужно сказать, что с самого начала это была совместная инициатива Тверского государственного университета (прежде всего, его ректора — профессора А. Н. Кудинова) и священников Тверской епархии; в данном случае наша с известным тверским протоиереем Алексием Злобиным. Как-то в деканате на совещании мне

предоставили слово и я обратился: «Добрые люди, мы здесь все соотечественники независимо от мировоззрения и национальности. Исторически у нас доминанта православная. Исторически это так. Мы можем верить, не верить, молиться, не молиться, но исторически у нас доминанта православная. А коль мы это признаем, то необходимо ее и знать и развивать».

Надо помогать друг другу, кто верит, кто не верит, мы все соотечественники, и исторически судьба и будущее связаны с Православием. Затем был подписан договор, и решением Ученого совета Тверского университета была образована общеуниверситетская кафедра теологии. Нас сразу же поддержал Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций. Его председатель В. Зоркальцев направил письмо в поддержку этой инициативы, которая получила благословение архиепископа Тверского и Кашинского Виктора, а затем и Святейшего Патриарха Алексия. Летом 1997 года у нас уже был первый набор, а 22 декабря 1999 года наша кафедра получила государственную аккредитацию по специализации 031229 «Основы православной культуры в начальной школе». В июле 2000 года решением Совета ректоров тверских вузов кафедра получила статус межвузовской. Фактически наша кафедра уже в течение пяти лет готовит преподавателей для курса «Основы православной культуры», который, слава Богу, теперь разрешено преподавать в наших школах.

— *Расскажите подробнее о специализации кафедры.*

— Прежде всего оговоримся, что кафедра не ведет полноценного богословского обучения. Наши задачи гораздо скромнее: мы лишь даем дополнительную специализацию к обычному педагогическому образованию, которое получают студенты. С другой стороны, у нас весьма объемная специализация, на изучение ее предметов отведено около 2000 часов учебного времени в течение всех пяти лет обучения в университете. Теологические дисциплины занимают приблизительно пятую часть всего учебного времени, фактически пять дней в неделю студенты получают обычную педагогическую подготовку, а шестой — по нашей специализации.

В студенческой аудитории

— **Какие дисциплины изучаются на кафедре?**

— Это четыре блока дисциплин. Самый массивный, конечно, богословский, на него уходит до половины учебного времени. Это, естественно, Священное Писание, вероучительные дисциплины и церковно-исторические. Второй значительный блок, который очень неплохо у нас представлен, — это блок православной культурологии. Он занимает около 20 % учебного времени и включает в себя курсы, посвященные влиянию Православия на русскую литературу, изобразительное искусство, музыку, а также очень интересный курс «Церковное краеведение Твери и Тверской области». Этот цикл православной культурологии мы собираемся дополнить курсом «Методика преподавания основ православной культуры в школе», который сейчас разрабатывается в соответствии с недавно утвержденным государственным образовательным минимумом по предмету «Основы православной культуры». Третий блок включает в себя дисциплины православной педагогики. Поскольку мы на педагогическом факультете, то нам естественно этим заниматься. И последний блок — религиозный, он включает в себя дисциплины по изучению истории мировых религий.

— **В чем заключается вступительный экзамен?**

— Расскажу о самом первом наборе, во время собеседования которого я спросил: «Какую молитву знаете?» «Никакую». И это на кафедру теологии пришли! Но все же пришли. Тогда я говорю: «Представьте, что прошел последний экзамен, идем на пляж, и вдруг — видим пожар, допустим, в школе. Что делать? Спасать. Так вот, детишек — в больницу, а вы в результате этого самоотверженного поступка потеряли зрение». Спрашиваю: «Какое будет настроение?» Отвечают: «Плохое». Но почему, ведь вас никто не заставлял?

И тогда я говорю: «Если на нашей кафедре у вас будет плохое настроение, то на второе собеседование можете не приходить, а если придете, то выучите молитву

«Отче наш». И пришли. И какие рефераты сейчас пишут, дипломные работы, особенно по житиям святых! А теперь абитуриенты какие — «Верую» знают!

— **Обращаете ли Вы внимание на духовно-нравственное становление студентов?**

— Конечно, хотелось бы, чтобы все наши студенты посещали храм Божий. Когда мы начинали это дело, у нас была наивная уверенность в том, что через два-три года ребята, которые к нам придут, начнут жить церковной жизнью. Сейчас я должен признать, что эти ожидания осуществились только отчасти, хотя мы понимаем, что это область сугубо личного мировоззренческого выбора, и он должен быть только добровольным. Мы надеемся на их выбор, но мы на этом не настаиваем, не контролируем их духовную жизнь, хотя пытаемся, конечно, помогать и содействовать нашим студентам. Осенью 2000 года по инициативе отца Алексея Злобина и под его руководством начато строительство университетского храма. Это — первый университетский храм, который строят в России со времен революции. Вместе с тем, мы, в принципе, допускаем вероятность того, что у нас будет учиться человек, который в церковь ходить пока еще не готов. В данном случае мы соблюдаем светскую природу государственного образования, хотя у нас заведено, что урок начинается с молитвы, служится молебен на начало учебного года. Это не вызывает возражений со стороны администрации университета. Пока проблем с этим у нас нет, но высказывания на этот счет в университете постоянно приходится слышать. Достаточно много, с одной стороны, старых деятелей, с другой стороны, молодых либералов, которым это не близко.

— **Кто преподает на факультете?**

— Во-первых, конечно, священники. Отец Алексей Злобин преподает дисциплины Священного Писания, отец Вадим Башук — Литургическое богословие и Введение в православное вероучение, отец Александр Шабанов — курс Сектоведения. Ну, а я на правах заведующего кафедрой веду основные вероучительные дисциплины,

Проект будущего университетского храма

— В настоящее время на деньги прихода в честь Казанской иконы Божией Матери города Твери, а также целого ряда благотворителей, которые заботятся о духовном просвещении нашей молодежи. Обучение у нас частично платное, хотя университет всемерно нам помогает и, начиная с этого года, благодаря поддержке ректора профессора А.Н.Кудинова, обучение примерно половины наших студентов берет на себя государство за счет бюджетных средств, мы ведь готовим учителей для обычных средних школ. Средства на обучение второй половины мы вынуждены искать самостоятельно. Конечно, мы надеемся в том числе и на поддержку всех, кто, прочитав эти строки, захочет нам помочь.

— Каковы планы дальнейшего развития кафедры?

— У нас есть несколько перспективных направлений, и мы, с помощью Божией, уже начинаем их осваивать. Я говорил о том, что летом 2000 года по решению Совета ректоров тверских вузов наша кафедра была преобразована в межвузовскую. Это значит, что нам сейчас предоставлено формальное право вести выборочные курсы по Основам православной культуры и даже по основам православного мировоззрения во всех вузах Твери.

К сожалению, мы пока не можем этим правом воспользоваться — у нас просто не хватает людей, и мы начали реализацию этого направления только в стенах Тверского университета. На двух факультетах, прикладной математики и юридическом уже второй год наши преподаватели читают выборочные курсы православно-культурологического содержания: «Православие и русская литература» и «Церковное краеведение Тверского края». Отрадно то, что эти курсы вызывают активный интерес у студентов, ведь их посещение — дело сугубо добровольное, поэтому я с твердой уверенностью могу сказать, что Православие очень нужно молодым людям, главное — уметь их выслушать, понять и говорить с ними на понятном им языке.

Основная наша идея состоит в том, что современный интеллигентный человек (который, к сожалению, сейчас встречается не так уж часто) должен иметь хотя бы минимум знаний о собственной духовной традиции. Без этого он просто не может быть образованным человеком, он не сможет понять искусство, философию, историю. В нашей стране интеллигентный человек просто обязан знать начала православной духовной культуры, это столь же естественно, как знать русский язык, потому что это язык нашего народа, и без знания его нельзя выучить ни один иностранный. Вот мы и пытаемся дать этот образовательный минимум тем, кому это нужно и интересно. А как наши студенты дальше распорядятся этими знаниями — об этом мы можем только молиться. Надо сказать, что современные молодые люди вовсе не такие атеисты, как иногда кажется, и если с ними нормально говорить, то они очень многое согласны понять и принять. Это одно из тех достоинств нашего времени, которое мы не имеем права не использовать. И, конечно, хотелось бы, чтобы этим занимались

Общение с молодежью — особый пастырский труд

в первую очередь наши священники, ведь это прекрасная возможность православного свидетельства, которую просто грех упустить.

— Какие трудности Вы испытывали или испытываете сейчас?

— Те же, что у всех, ибо «жатвы много, а делателей мало». Возможности, как вы видите, самые широкие, нам готовы давать учебное время. Вопрос в том, кто захочет и кто сможет этим заниматься, ведь общение с молодежью, тем более молодежью интеллигентной — это особый и очень тонкий пастырский и научный труд. Опять-таки, хотелось бы, чтобы этим занимались прежде всего священники, Это полезно, в первую очередь, для них самих: это прекрасная школа общения с современностью, возможность выйти за пределы гетто, в которое мы сами себя нередко загоняем. А здесь, к сожалению, масса проблем, мы далеко не всегда готовы и даже не всегда желаем говорить с современным обществом на одном языке. У нас очень развито высокое аскетическое делание, путь в монастырь у нас хорошо проторен, а вот путь в храм нуждается в уготовании, а это самое трудное — работать с теми, кто еще только делает первые шаги, кто, может быть, вообще еще о вере ничего не знает. Здесь нужны подвижники, но, слава Богу, у нас на кафедре они есть.

— В заключение, что Вы можете посоветовать тем, кто соприкасается с проблемой взаимоотношений Церкви с современным обществом в образовательной сфере?

— Ответу словами протоиерея Василия Зеньковско-го: «Не надо бояться светской культуры, а вникать и воцерковлять ее». Это наш девиз, этим наша кафедра теологии и занимается.

*Интервью подготовил
Павел Галушко, 3 курс МДС*

ТЕОЛОГИЯ В СВЕТСКИХ ВУЗАХ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПРЕССЫ ПО ПРОБЛЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В этом году исполняется уже десять лет со времени принятия в системе высшего образования стандарта «теология». Проследить историю вопроса на протяжении всего этого времени не является нашей задачей, к тому же более или менее активно эта тема стала дискутироваться сравнительно недавно. А именно — с того момента, когда процесс неторопливого обсуждения проблемы дал, наконец, результат: государственная власть высказалась за действительную, практическую реализацию намеченных программ, за необходимость введения курсов теологии и Основ православной культуры в вузах и школах соответственно.

Обсуждение этого вопроса, развернувшееся за последние пару лет на страницах печати, отражает, как представляется, не только и не столько мнение общества по этому поводу, но, скорее, позиции нескольких условно определяемых групп специалистов, чье отношение к проблеме так или иначе может повлиять на общественное мнение.

Первую и наиболее значительную по удельному весу группу составляют сторонники принятия теологического стандарта и введения Основ православной культуры — как среди церковных, так и среди государственных деятелей. В общем и целом позиция представителей этой группы достаточно ясна: предмет Основы православной культуры в школах и стандарт «теология» в вузах нужны, ибо это, во-первых, согласуется с Конституцией (которая, напомним, гарантирует в вопросах свободы совести и вероисповедания в том числе и право на религиозное образование); а, во-вторых, опыт уже существующих негосударственных учебных заведений, где преподаются эти дисциплины, показал, что приобщение учащихся к традиционным духовным и нравственным ценностям российского общества благоприятно влияет на самосознание молодежи. Конечно, преподавание теологии в вузах, например, не решит проблемы молодежной наркомании, но в комплексе с другими мерами государственной социальной политики это может дать весьма значительный благоприятный эффект.

Вторую группу, условно нами выделенную из общей палитры, составляют светские ученые и преподаватели «смежных» дисциплин — начиная культурологией и за-

канчивая религиоведением, а также некоторые чиновники. Их мнения по поводу намеченной реформы, далеко не однозначные, в целом носят отрицательный характер. Поэтому они и могут (и должны) быть нам интересны — ведь именно нам придется в будущем, так или иначе, либо оппонировать этим людям, либо сотрудничать с ними.

Третью группу составляют представители так называемой «четвертой власти» — журналисты, пишущие на темы религии и церковно-государственных отношений. Мы выделили работников СМИ в отдельную группу не случайно: их личное отношение к обсуждаемому вопросу порой трудно определить (это и понятно, коль скоро компетентно рассуждать на подобные темы наша светская журналистика научилась еще не в полной мере), — зато критические высказывания СМИ, пусть порой дилетантские, далеки от присущей «публичным лицам»

политкорректности. Они дают наиболее выпуклую картину; по журнальным статьям и материалам Интернета видны самые уязвимые места — как сторонников, так и противников введения религиозных дисциплин в государственное образование.

Мы не упомянули еще о высказываниях представителей других конфессий по поводу религиозного образования в России. Их мнения также довольно любопытны.

Поэтому мы предлагаем читателю небольшую подборку материалов периодической печати и электронных СМИ, касающихся обсуждаемой проблемы. Снабдив цитируемые высказывания нашими комментариями, мы надеемся, что этот материал поможет каждому найти прежде всего для самого себя ответы на те вопросы, которые волнуют сейчас не только церковные круги, но и широко дискутируются в светской прессе. В конце концов, мы должны быть готовыми «дать ответ о нашем уповании» не только по вероучительным вопросам, но и по проблемам, находящимся на стыке академического богословия и реальной жизни общества. (Между прочим, как свидетельствует опыт светской науки, наиболее значительные открытия совершаются в наше время именно в «пограничных» областях научных знаний).

Итак, «информационный калейдоскоп».

Вера Иноземцева, начальник отдела гуманитарного, экономического и юридического образования Министерства образования:

«Стандартная программа подготовки магистров и бакалавров по специальности «теология» была разработана еще в 1992 году. Это обычная вузовская специальность, как, например, химия, но не для всех, а для достаточно узкого круга интересующихся. Специальность существует в вузах с 2000 года, готовит научных работников, а к педагогическим специальностям никакого отношения не имеет. Это классическая университетская специальность».

(Известия, 11.10.2002).

Максим Шевченко, главный редактор «НГ-религии» в 1997-2002 годах:

«Само по себе включение «теологии» в реестр государственных вузов не страшно. В некоторых региональных институтах и университетах (Барнаульском и Владивостокском) теологические факультеты существуют уже несколько лет, и это не привело ни к уничтожению в них религиозных дисциплин, ни к какой-то повышенной клерикализации этих учебных заведений. Кто хочет, тот получает соответствующее образование именно по специальности «теология».

Другое дело, что, в отличие от Духовных семинарий и академий, многим светским вузам будет весьма непросто организовать в своих стенах адекватный значимости предмета уровень преподавания. Очевидно, для этого придется или прибегать к услугам дипломированных религиоведов и бывалых преподавателей кафедр научного атеизма, или же привлечь

священнослужителей соответствующей конфессии. Опыт последних лет показывает, что далеко не каждый выпускник Московской или Санкт-Петербургской Духовных Академий, даже будучи хорошим приходским священником, готов к преподавательской деятельности в вузе».

(НГ-Религии, 26.04.2000).

В целом, справедливое высказывание. Хочется заметить насчет боязни привлечения священников к учебному процессу: если согласиться с автором в том, что преподавание религиозных дисциплин должно быть поставлено сразу на некоем «адекватном уровне», то, к сожалению, мы оказываемся в замкнутом круге: достаточного количества квалифицированных преподавателей нет — значит, обучать студентов незачем — откуда же тогда возьмутся эти самые преподаватели? Очевидно, как и в начале любого большого предприятия, придется пережить этап подготовки кадров, затем — их профессионального возрастания, накопления опыта, наконец, перерастания количества в качество. Тогда и станет возможным достижение какого-то уровня теологии как научной дисциплины. На все, как говорится, нужно время.

Резонные, на наш взгляд, замечания были высказаны на одном из круглых столов с участием представителей различных исповеданий и светских специалистов **Сергеем Карповым**, доктором исторических наук, деканом исторического факультета МГУ:

«Стандарт имеет разрешительный характер. Мы же сейчас пока обсуждаем неподготовленную концепцию. Как стандарт по православному богословию, он очень хорош. Но раздел программы с названием «Религия и мир» никуда не годится. Необходимо собрать представителей авторитетных организаций — РАН, Духовных школ, и общими усилиями создать Учебно-методический отдел для обсуждения данной проблемы. МГУ недостаточно подготовлен, чтобы вводить этот стандарт. Университет мог бы ввести отдельные дисциплины, такие, как «История Православной Церкви», «История Византии». Надо

может остаться не оцененным «более активными конкурентами».

Тут, как кажется, уместно прокомментировать мнение профессора Миронова высказыванием уже цитированного нами **М.Шевченко**:

«Религиоведы восприняли принятие стандарта в штыки. С их точки зрения, стандартом нарушаются принципы Конституции РФ, говорящие об отделении Церкви от государства, отдающего предпочтение исключительно православию. Теология не может заменить религиоведения, так как не является, по сути, научной дисциплиной, основной признак которой — способность критической переоценки исходных постулатов. Религия, разумеется, не может отказаться от своего первого тезиса — «Бог есть!»

Чем, спросим мы, отличается от этого тезиса общепринятый в религиоведении постулат «Бог есть, но Его никто не знает», или, проще, «Бога нет» — в смысле непризнания ни за одним из вероисповеданий какого бы то ни было преимущественного авторитета в учении о Боге?

Н.А.Трофимчук, заведующий кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор:

«В стремлении включить теологию в структуру вузовского образования присутствует еще один, как правило, скрываемый мотив: вытеснить преподавание религиоведения, изменить мировоззренческую парадигму общественных и гуманитарных дисциплин».

(НГ-Религии. 29.11.2000).

А какова она, эта парадигма? Что нового появилось в преподавании общественных и гуманитарных дисциплин за последние годы? Вместо усиленного штудирования материалов съездов КПСС — безбрежный мировоззренческий эклектизм, все более принимающий формы некоей «общечеловеческой религии»? Кто-нибудь возьмется обосновать преимущества такой идеологии — даже не в сравнении с традиционными религиозными ценностями, но хотя бы по сравнению с «кодексом строителя коммунизма»?

По-своему обоснованной и профессионально оправданной выглядит позиция **В.Глаголева**, представителя Московского государственного института международных отношений:

«Только один стандарт «православная теология» для наших студентов не годится, так как в странах, где работают выпускники МГИМО, исповедуются самые разнообразные религии... Несомненно, могут быть в институте факультативные курсы по православному, католическому и протестантскому богословию».

(НГ-Религии, 07.03.2000).

Противники введения религиозных дисциплин иногда ссылаются на исторический опыт России в вопросах образования.

Профессор **Н.А.Трофимчук**:

«В университетах и других высших учебных заведениях России XVIII — начала XX веков не создавались специальные богословские факультеты или отделения, а отдельные дисциплины, имеющие отношение к Церкви, составляли часть общегражданских курсов: например, на историко-филологических факультетах преподавалась история Церкви, на юридических — церковное право. Изучение же богословия и теоретико-богословская разработка этих проблем были сосредоточены в Духовных школах».

Напомним самим себе, что в упомянутый период система образования предусматривала религиозное просвещение с детства — были тогда и церковно-приходские школы, и гимназии, где детям преподавали достаточно обширные религиозные знания. Сейчас положение иное: недостаток религиозного воспитания и элементарной религиозной грамотности наших детей заставляет искать новые, еще не известные пути разрешения проблемы.

Представитель аппарата уполномоченного по правам человека **Михаил Одинцов** на одном из заседаний привел слова из дневников Патриарха Алексия I (Симанского):

«Упадок духовного образования в России в начале XX века был вызван его обязательным преподаванием в общеобразовательных школах. Государственные школы должны быть вне религии».

(НГ-Религии, 07.03.2000).

Действительно, религиозное образование до 1917 года носило общеобязательный характер — что и вызывало, может быть, определенное отторжение среди учащихся. Повторимся: ныне — совсем другая ситуация. Никто не собирается насильно навязывать детям-школьникам или студентам религиозное образование, об этом неоднократно говорилось на самых различных уровнях.

Приведем, наконец, мнения представителей других вероисповеданий по обсуждаемому вопросу. Интересно, что, например, деятели исламских общин высказываются, как правило, достаточно положительно. Естественно, наблюдаемый сейчас прецедент они собираются использовать по-своему: в целях выработки аналогичных программ для преподавания основ ислама в учебных заведениях.

За введение религиоведения в обязательную программу средних школ высказался, например, председатель Центрального Духовного Управления мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), верховный муфтий **Талгат Таджуддин**.

Между тем, он назвал такую меру недостаточной. Признав, что любая конфессия имеет право по согласованию с родителями и учителями преподавать школьникам основы своей культуры, верховный муфтий отметил, что детей важно знакомить с основами всех традиционных религий России, причем в обязательном порядке.

Профессор Трофимчук предостерегает Церковь от опасности неадекватной реакции общества на производимые реформы:

«Уже сегодня имеют место проявления антиклерикальных настроений. Среди протестующих, например, Русское гуманистическое общество, издающее журнал свободомыслящих «Здравый смысл», формирующееся российское общество атеистов и т.д. и т.п. В распространенном через Интернет заявлении группы молодежи, инициировавшей создание этого общества, содержится призыв к консолидации тех, кто стремится противостоять диктату Церкви. «Созраждане! За окном нашего дома сгущаются сумерки — сумерки нового средневековья. Клерикалы всех мастей воспряли духом... разворачивается новая «охота на ведьм»... Мы не можем мириться с по-прежнему законности, с нарушением Конституции», — говорится в документе».

Нам кажется, что спорить с такими лозунгами значит низводить дискуссию до уровня уличной перебранки. В том, как составлена эта прокламация, в том, что на нее позволяет себе сослаться уважаемый ученый, профессор, усматривается один печальный факт. «Парадигмы общественных и гуманитарных дисциплин», похоже, принципиальным своим основанием по-прежнему имеют атеистический постулат невозможности бытия Бога — повторимся, столь же недоказуемый и научно непроверяемый, как и вера в Его существование.

Между прочим, современное синкретическое религиозное сознание признаёт равноправными *всякие* пути обретения богообщения. В таком случае совершенно непонятно, почему путь Православия воспринимается как худший из всех, почему против православной теологии вооружаются столь многие сторонники пан-религиозности?

Напоследок приведем — уже без комментария — несколько цитат, дающих представление о возможно более полном спектре мнений наших оппонентов. Как говорится, судите сами.

Так, например, «НГ-Религии», рассказывая о том, что министр путей сообщения РФ г-н Бурнов послал в Университет МПС телеграмму с просьбой организовать там кафедру теологии, так объясняют своим читателям этот шаг министра:

«То, что внимание Церкви обращено в первую очередь к железнодорожникам, не удивляет. Многие студенты соответствующих вузов работают в каникулы проводниками и могут, по мысли инициаторов обращения, вместе со стаканом чая преподавать пассажирам истины православной веры».

(НГ-Религии, 26.04.2000).

Представитель Комитета по связям с религиозными учреждениями при Госдуме **Валерий Воробьев:**

«Изучение религиозного опыта даже лучше без переживания самого религиозного опыта».

(НГ-Религии, 07.03.2000).

Заместитель руководителя аппарата правительства **Алексей Волин**, ознакомившись с письмом министра образования В.Филиппова, в котором тот изложил концепцию введения в курс светских учебных заведений религиозных дисциплин, заявил:

«По моему мнению, от этого документа веет средневековьем и мракобесием».

(Газета – gzt.ru. 15.11.2002).

Таким образом, даже весьма поверхностный обзор светской прессы дает нам обширную информацию к размышлению. И, разумеется, к действию.

P.S. За время подготовки номера процесс обсуждения проблемы не только не ослаб, но вышел на новый уровень. Министерство образования вынуждено официальным письмом убеждать оппонентов проекта в том, что никакого обязательного религиозного курса в школах не предполагается; параллельно заявляется о возможности и необходимости создания «иноконфессиональных» программ, аналогичных разработанным церковными специалистами. Интенсивность продолжающихся дебатов свидетельствует о том, что процесс сближения религиозной и светской систем образования лишь начался. Насколько успешно завершится этот диалог - покажет время.

Подборка материалов осуществлена с помощью службы информационных ресурсов «Интегрум» (Integrum.com).

Михаил Моисеев, III курс МДА

Международный Фонд единства православных народов в 2002 году

В 2002 году Международный Фонд единства православных народов действовал в рамках патриарших программ по нескольким направлениям, осуществляя большую миссионерскую и просветительскую деятельность, занимаясь строительными и восстановительными работами в различных епархиях Русской Православной Церкви, ведя широкую благотворительную программу.

Президент Фонда, профессор В.А.Алексеев (справа) со Святейшим Патриархом Алексием II на о. Валаам

Много замечательных событий произошло за это время. Одним из ярчайших событий в жизни православной общественности стало присуждение и последующее вручение премий Международного Фонда единства православных народов «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов» за 2002 год, которое состоялось 21 января 2003 года в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя. Денежное содержание премии, дипломы и памятные знаки лауреатам были вручены в торжественной обстановке Председателем Попечительского Совета Фонда — Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Президентом Фонда, профессором В.А.Алексеевым. Вручение премий является одним из главных мероприятий начала каждого года, на котором по традиции присутствуют главы государств, члены правительства, видные общественные и политические деятели, главы дипломатических миссий, религиозные деятели.

Премии присуждаются государственным, религиозным, политическим и общественным деятелям, а также деятелям культуры; главам государств, правительств и парламентов, Предстоятелям Православных Церквей, представителям организаций и движений за их большой вклад в дело упрочения экономических и политических связей между государствами, исторически формировавшимися в контексте восточнохристианской традиции; за утверждение в жизни православного сообщества высоких норм христианской морали. Лауреатами премий за 2000–2001 год являются такие выдающиеся деятели, как Блаженнейший Диодор I, Патриарх Иерусалимский и всея Палестины, Президент Российской Федерации В.В.Путин, Святейший Патриарх Сербский Павел, Председатель Палаты Представителей Республики Кипр и бывший Президент этой страны Спирос Киприану, Заместитель Премьер-министра Правительства Ливана И.М.Фарес, Всемирное братство православной молодежи «СИНДЕСМОС», Европейская Межпарламентская Ассамблея Православия (ЕМАП) и другие.

Лауреатами 2002 года стали:

Блаженнейший Патриарх Антиохийский и всего Востока Игнатий IV, родившийся в 1920 г. Блаженнейший патриарх является выдающимся деятелем христианского мира и святителем древнейшей Поместной Православной Церкви, вносит большой личный вклад в укрепление единства православных народов и сохранение христианского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке.

Президент Республики Болгарии Г.С.Пырванов, активно содействующий укреплению духовного и культурного сотрудничества братских единоверных народов России и Болгарии, углублению взаимовыгодных связей между нашими странами.

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.Н.Селезнев осуществляет масштабную работу по укреплению духовных, политических и экономических связей государств восточнохристианского ареала, по усовершенствованию государственно-церковных отношений в России и повышению роли Церкви в нравственном и духовном оздоровлении общества.

Лидер Ассоциации крупных предпринимателей Эстонии Луукас Ааду, который вносит значительный вклад в улучшение межнациональных отношений и международного делового сотрудничества в Эстонии. Много и плодотворно занимается вопросами благотворительности и милосердия.

Православная Академия о. Крит (Греция) — церковное учреждение, осуществляющее многоплановую деятельность, направленную на укрепление свидетельства о служении Православия в мире сегодняшнем и будущем. ПАК — некоммерческая неправительственная организация, находящаяся в канонической связи с митрополией Кисамоса и Селино (Западный

Крит) и существующая под покровительством Константинопольского (Вселенского) Патриарха.

Одним из значительных направлений в деятельности Фонда стало продолжение работы по всесторонней поддержке и развитию Межпарламентской Ассамблеи Православия. Фондом и Межпарламентской Ассамблеей Православия были проведены конференции в Бухаресте и Риге. Движение православных парламентариев в настоящий момент объединяет представителей законодательных собраний 24 стран мира, где действуют автокефальные и автономные православные Церкви, и является хорошим образцом авторитетной политической миротворческой и гуманитарной организации.

Новое важное содержание приобретает детско-юношеский православный учебно-воспитательный центр Фонда, который станет воспитательным и образовательным учреждением, основное предназначение которого — формирование в молодых людях творческого, морального и патриотического характера. На этой основе была выдвинута идея об открытии в регионах России целого ряда образовательно-воспитательных центров, объединенных благородной задачей воспитания юношества на глубоких духовных ценностях православной веры и национально-исторического самосознания. Эта идея была поддержана руководителями государства и регионов и носит ныне статус Специальной Патриаршей программы «Непотерянное поколение». На ближайшее будущее это одна из самых основных программ Фонда, как всего нашего общества в целом, — воспитание подрастающего поколения.

В 2002 году Фондом была продолжена Патриаршая программа «Храмы российской глубинки», способствующая возрождению очагов православия в российской провинции. Полностью восстановлен из руин и 14 июля 2002 года освящен в Тамбовской области величественный храм во имя святых бессребреников Космы и Дамиана. В октябре минувшего года состоялась передача в дар Астраханской епархии Русской Православной Церкви храма во имя Казанской иконы Божией Матери. Эта благотворительная акция была совершена в рамках визита Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Председателя Попечительского Совета Международного Фонда единства православных народов, в Астраханскую область на празднование 400-летия Астраханской епархии. В эпоху всеобщих потрясений, глобальных вызовов, подчас угрожающих существованию самого человечества, всеобщей разобщенности особенно важно, чтобы как можно больше светильников православной веры вновь засияли своим духоспасительным светом, согревая сердца людей и укрепляя их веру. Вспоминаются слова апостола Павла: «Любовью служите друг другу... берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 13–15).

После завершения восстановления астраханского храма идет подготовка работы Фонда по продолжению Патриаршей программы в Рязанской области, Башкирии, Краснодарском крае и других регионах России.

В рамках культурно-просветительской Патриаршей программы ведется подготовка подготовительной акции «Голоса православной России на Кипре», проведение которой благословил Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Программа Фон-

Восстановленный храм святых бессребреников Космы и Дамиана в Тамбовской области

да является важным событием в жизни двух православных стран, примером укрепления культурных связей между Россией и Кипром.

Осуществление этой масштабной культурно-просветительской программы началось в 2001 году в Болгарии, где участники посетили восемь крупнейших городов и выступили с концертами русской духовной музыки. Через год, в апреле 2002 года, состоялась Патриаршая программа «Голоса православной России в Великобритании». Ее центральным событием стало исполнение Всенощной Сергея Рахманинова в крупнейшем храме Англиканской Церкви — грандиозном соборе Святого Апостола Павла в Лондоне.

Где бы ни проводилась Программа, везде ей сопутствовал успех. Ее высоко оценили видные церковные и светские деятели. Патриарх Болгарский Максим, благословивший и лично поддерживавший Программу, заметил, что священный голос святого Православия, звучащий через песнопения хоровых коллективов, затронул с умилением и молитвенным настроением сердца всех тех, у кого была возможность насладиться высоким мастерством исполнителей. А по многочисленным отзывам прессы, в том числе и «Би-би-си», концерт и Программа в целом, проведенная в Англии, стали настоящим культурным событием и заслужили высокие оценки не только зрителей, но и специалистов. Важно отметить, что Программа является не только культурным мероприятием, но и играет позитивную роль в процессе консолидации российских соотечественников, проживающих за рубежом. Православные духовные песнопения были доступны и понятны без перевода, очаровывая своей красотой иноязычных слушателей.

Следующим шагом по осуществлению Патриаршей программы станут выступления на родине организаторов и исполнителей — в России.

*Денис Алексеев
Евгения Васильева*

Слово на Рождество Господа нашего Иисуса Христа

Святитель Прокл Константинопольский был одним из ближайших сподвижников Иоанна Златоуста, а после его изгнания — секретарем Аттика Патриарха Константинопольского (†425). Позднее Прокл сам трижды становился кандидатом на Константинопольскую кафедру: в 425 году, когда был избран Сиссиний, а сам Прокл был поставлен епископом Кизикским; в 428 году, когда был избран Несторий; и в 431 году, когда его кандидатуру отвергли, как уже избранного на другую кафедру, а Патриархом стал Максимиан. Лишь в 434 году, после смерти Максимиана и по особому изволению императора Феодосия II Прокл был поставлен на Патриаршую кафедру, которой и управлял до самой смерти († 446).

Блестяще образованный человек, святитель Прокл оставил богатое гомилетическое наследие, большая часть которого была утрачена либо вошла в корпус псевдо-златоустовых творений. Тем не менее сохранилось несколько посланий, а также около 40 слов, несомненно принадлежащих его перу¹.

Тексты Прокла отличаются богатством языковых средств и исключительной точностью богословской терминологии. В жанре энкомия (похвального слова) основную сложность для переводчика составляет ритмика текста, почти стихотворная, чисто византийская витиеватость конструкций и многочисленные ассонансы. Подобного эффекта можно добиться за счет использования ритмики церковно-славянских литургических текстов и, в какой-то мере, русского песенного фольклора — вкуче с подчеркнутой архаизацией в духе старинной русской гомилетики². Особая благодарность — профессору Ю.А.Шичалину за внесенные поправки, а также иеромонаху Дионисию (Шленову) и иеродиакону Леонтию (Козлову) за ряд ценных замечаний. Перевод выполнен по тексту Миня: PG 65, 708–716.

Федор Шульга, I курс МДА

¹ См. подробную библиографию у Христоу П. Ελληνική Πατρολογία, Τ. Δ', Θεσσ. 1989, σ. 335–337.

² Излюбленный прием Прокла, гомеотелевтон (рифмованные и созвучные окончания фраз) воспроизводится лишь отчасти, поскольку в русском языке он производит эффект скорее комический, нежели драматический. См. об этом: С.Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997, с.234-235.

1. Блистателен и непостижим предмет настоящего празднования. Блистателен — ибо возвратил людям утраченное спасение. Непостижим — ибо закон естества победило рождение. Потому как и естество позволяет рождать матери. Но благодать и рождающей явила — и сохранила девой, дала материнство — и чистоте не принесла вреда. О, земле незасеянная, израстившая

плод небесный! О, Дева, рай Адаму открывшая, и более славная, нежели сам рай! Ибо тот был произведением Божиим, Сия же произвела по плоти Самого Бога. Приидите же все — не замужество праздновать Матери Владыки: ведь Она есть Дева, браком не оскверненная и во браке не бывшая — но дабы почитать роды Целомудренной.

Потому что безбрачно стала Она Матерью: и мужа не познала, и сиротой не был Младенец.

Приидите, узрим, сколь чрево Девы пространнее мира тварного. Ибо не вмещающий там — был здесь вмещен без стеснения, и Державший в руке вместе со вселенной Саму Родившую — носим Ею во чреве.

Приидите, узрим, как несекомый Камень (Дан. 2,34) понесен преестественно немощью девственной: и естеству не повредив, и утвердив мир.

Приидите, узрим корабля морешествующего¹ незримое плавание, потопившего начальника зла и Первозданного уловившего, — Чье и вхождение неизреченно, и исхождение необъяснимо.

Приидите, узрим мысленного змия, с дочерью Евы беседующего и писание преслушания упраздняющего.

Приидите, узрим и свет Божества, сквозь тело, словно бы прозрачное, лучи благодати источающего.

2. Да приступят жены, ибо не семя смерти являет Жена, но рождает Плод Жизни. Да приступят девы, ибо родила Дева, не осквернив девство, но запечатлев чистоту. Потому что явился Младенец и оставил

пелены чрева неоскверненными, а орудие естества, каким² и обрел его, — в изобилии благодати.

Да приступят матери, ибо девственная Мать древо преслушания Древом Жизни исправила. Да приступят дочери, ибо дерзость преслушания матернего послушание Дочери оправдало.

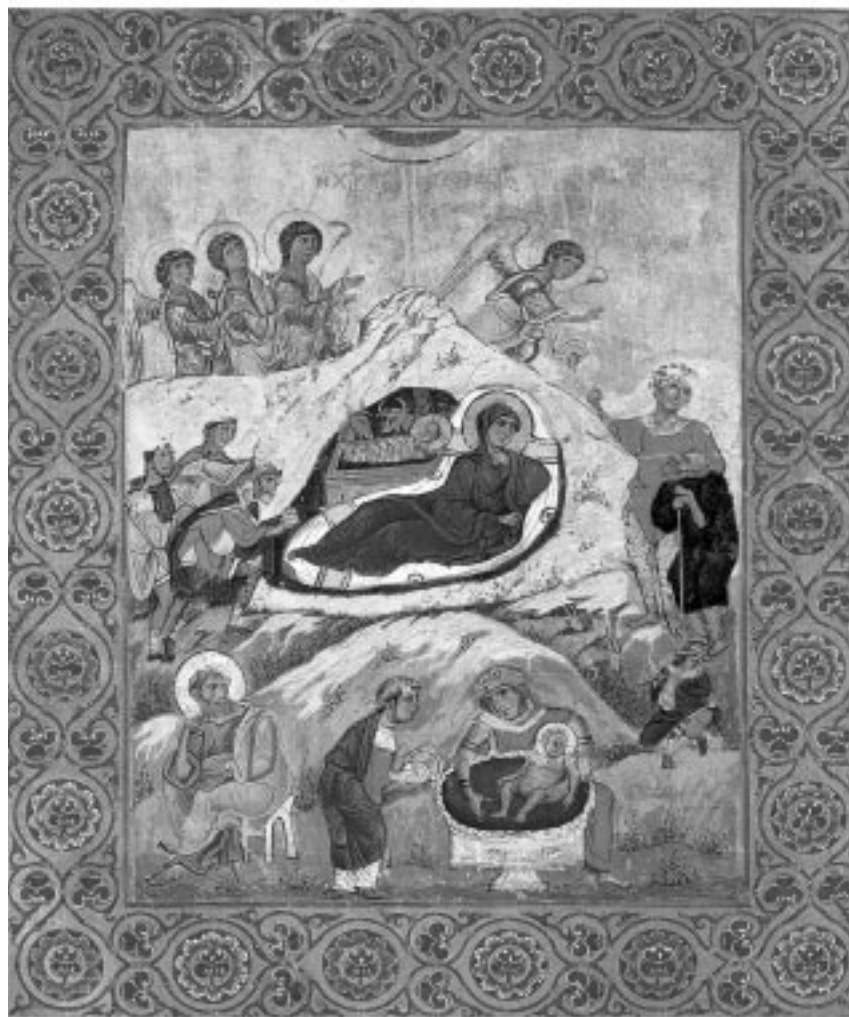
Да приступят отцы, ради Отца, в последние времена рожденного³. Да приступят младенцы — ради Младенца, в яслях пеленаемого.

Да приступят пастыри — ради Пастыря, происшедшего от девственной Агницы. Зане облачился Пастырь в человеческого тела странное руно — и волк, увидев Агнца, устремился опрометчиво. Но сколь ни изощрял зубов, не смог вкушать плоти Непочного.

Ибо плоть Его не виде истления (Деян.2, 31; Пс. 15, 10). Так убил волка Агнец и от века пребывавших в нем принудил изрыгнуть, из самого чрева ненасытного зверя, как из кита Иону, извлеки человека.

² ολοι вместо οϊ испорченного, по всей видимости, текста Патрологии (PG 65, 712A). Эта удачная конъектура предложена проф. Ю.А.Шичалиным.

³ Здесь Христос именуется Отцом как Слово Божие, Которым создан весь тварный мир. Очевидно, что такой эпитет продиктован требованиями риторики, а никак не склонностью к савеллианству.

Миниатюра на пергамене. Монастырь Великой Лавры святой горы Афон, 1120–1130 годы.

¹ Πουτοπόροισα — Гомеровский эпитет (Ил. 11, 11 и др.).

Да приступят цари, ибо Царь Славы облачился в пелены вместо багряницы. Да приступят власти, ибо миролюбивый Властитель, в кузнице девства выковав тела оружие и закалив его в нескверном Божестве, умертвил им врага-диавола.

Да приступят консулы¹, ибо Небесный вступает в земное консульство. Великолепен престол² Его — Богородица Дева Мария. Тога его консульская, бессеменно зачатая плоть, — в драгоценных камнях, подвигах святых, в бесценных жемчугах — пророков многоценных изречениях. И не золото расточает.

Он — источник смущения, но милостью награждает приемлющего спасение.

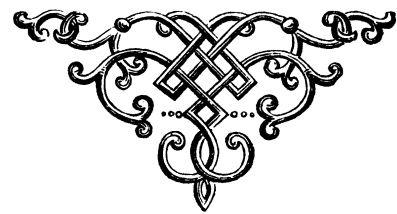
Да приступит простой люд, ибо Судья облачается в простое одеяние, чтобы сим уловить укрывшего похитителя-диавола и совлечь доспех с вооруженного. Странное облачение и невиданное одеяние, да и шитье непостижимое, человеческому искусству недоступное. О, Дева, Невеста неискосбрачная и Мать неискосомужная! Где обрела Ты пряжу создать одеяние, в которое ныне облачен Владыка всей твари? Какую ткань избрала Ты, дабы соткать нешвенный хитон? Говорю, дабы прежде Девы услышать человеческое естество: не хранит ли оно в составе своем причину девственных трудов? — «Из моей ткани создают оскверненные одеяния. Облачен был Адам — и обнажился, и листом смоковничным со стыдом опоясался. Посему, дабы исправить разорванный хитон, Сама Премудрость, хитон тела Своего в жилище Девы соткав челноком божественного действия, облачилась в него».

3. Хочу и Деву спросить ради неверных иудеев: «Скажи мне, Дева, Кто прежде брака сделал Тебя Матерью? Как стала Ты Матерью, оставаясь Девой? Засвидетельствуй иудеям, что Ты родила в девстве, загради уста нечестивых!» Она же громогласно отвечает мне: «Как дивятся иудеи, что я родила девственно; а не дивятся тому, что сухой жезл неестественно прозяб? Видят гладкую трость, под кровом проросшую, — и не испытывают, когда или как; обо мне же вечно вопрошают? *Се Дева во чреве примет и родит Сына* (Ис. 7, 14). Видят Младенца и козни строят Родившей Его; и ищут отца Тому, Чью Мать знают Девойю». Не ищешь ли отца, иудей, днесь рожденному Сыну? Услышь вопиющего: Господь рече ко мне: *Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя* (Пс. 2, 7). Не сказал Пророк: *Аз Твой Отец прежде век*, а иной, мол, — отец днесь рожденного Тебя. Но пусть или назовут днесь Рожденного не имеющим Отца, как оно и есть; или Моим

Сыном да именуют Его. Потому что одному сыну от двух отцов родиться невозможно».

Аз днесь родих Тя! Ибо днесь Солнце Правды из Облака девства воссияло: *людие, ходящие во тьме, видеша свет велий* (Ис. 9, 2). Днесь семя незасеянное на невозделанном поле проросло, и мир взалкавший радуется. Днесь без брачного ложа процвел Плод от немужних недр, и вся тварь Ему приносит дары: земля — ясли, скалы — водоносы каменные, горы — пещеру, грады — Вифлеем, ветры — повиновение, море — покорствие, волны — успокоение, бездна — рыб, рыбы — статир, воды — Иордан, источники — самаритянку, пустыня — Иоанна, скот — осленка, птицы — голубя, волхвы — приношения, жены — Марфу, вдовы — Анну, бесплодные — Елисавету, девы — Богородицу Марию, пастыри — песнопение, иереи — Симеона, отроки — ветви, гонители — Павла, грешники — мытаря, язычники — хананеянку, кровоточивая — веру, блудница — миро, деревья — Закхея, бревна — Крест, крест — разбойника, восток — звезду, воздух — облако, небо — ангелов, а Гавриил — целование.

Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, и из Тебя, и прежде Тебя! В Тебя вошел, как и благоволил, — и из Тебя произошел, как и восхотел. Прежде Тебя, как и всякого прежде помышления, несканно, неслиянно, невообразимо, непостижимо, нескверно, нестрастно, неизъяснимо, не чрез посредника³, неискаженно, неизреченно и боголепно Родившийся от Бога и Отца: на небесах не имеющий матери, на земле — отца не имеющий⁴. Посему *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение* ныне и присно и во веки веков. Аминь.

¹ Выборные чиновники высшего ранга в Римской, а позднее — в Византийской Империи.

² Δίθρον — курульное кресло, атрибут консульской власти в Империи.

³ ἀμεσιτέυτῳ.

⁴ ἀπάτωρ.

НЕ РЕФОРМА, А ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ИНСПЕКТОРОМ ПАРИЖСКОГО СВЯТО-СЕРГИЕВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССОРОМ ПРОТОИЕРЕЕМ НИКОЛАЕМ ОЗОЛИНЫМ

21 ноября 2002 года гостем Московской Духовной Академии был инспектор Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института профессор протоиерей Николай Озолин. В актовом зале Академии им была прочитана лекция об известном иконописце и богослове Л. А. Успенском. После лекции отец Николай любезно согласился ответить на вопросы журнала «Встреча».

Беседа в редакции журнала «Встреча»

— Отец Николай, в начале скажите, пожалуйста, несколько слов о том, что сегодня представляет из себя Свято-Сергиевский институт.

— Наш Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже существует, как Вы, вероятно, знаете, уже семьдесят пять лет. Мы выдаем дипломы *licence en theologie* и *maotrise en theologie*,

что примерно соответствует бакалавру и кандидату богословия по российской терминологии. Сегодня общее число студентов составляет около пятидесяти человек. По российским меркам это, конечно, очень мало, но для нас это неплохо. Например, в конце пятидесятых годов, когда я учился, в институте было ровно девятнадцать студентов. С середины семидесятых годов преподавание у нас ведется на французском языке. Переход на французский язык произошел во времена застоя, когда не было надежды и возможности на непосредственное общение с Русской Церковью, с российскими Духовными школами. Студенты были в основном из Западной Европы, и потому мы решили перейти на местный язык, что, кстати, на много раньше было сделано в Свято-Владимирской Академии в Нью-Йорке. Там сразу после Второй мировой войны стали преподавать по-английски. В отличие от Владимирской Академии мы служим еще в основном по-славянски, что, правда, делается, скорее, по инерции, нежели из каких-то принципиальных соображений. Для многих студентов было бы удобнее, чтобы и преподавание и богослужение шли на одном языке. Но с другой стороны, это обеспечивает какую-то связь с российской действительностью, и мы, конечно, этим дорожим. Преподавателей у нас около двадцати человек. Преподают все обычные для Духовных школ предметы. В организации своих учебных программ и учебных занятий институт изначально следовал по пути дореволюционных российских Духовных академий.

— Институт ориентируется, главным образом, на подготовку пастырей или каких-либо иных специалистов?

— Конечно, главной нашей задачей является подготовка богословски образованных пастырей. Но не всегда это получается, потому что часто наши выпускники идут по жизни другими путями. Но, тем не менее, студенты, которые к нам приезжают из

таких традиционно православных стран, как Греция, Болгария, Сербия, Румыния, в основном священнослужители. Что касается наших студентов, то среди них кандидатов в священнослужители почти нет, да и самих этих студентов очень мало. Сейчас у нас их всего два человека. Хочется верить, что это явление временное, но, тем не менее, пока это так.

— Сейчас в России активно обсуждается вопрос о статусе духовных учебных заведений в общегосударственной системе образования. Хотелось бы узнать, как строятся взаимоотношения вашего института с французскими властями? Каков правовой статус института?

— Мы являемся свободным высшим учебным заведением, то есть, с одной стороны, институт не является государственным учреждением, но, с другой, мы признаны государством. Вообще, во Франции свободное учебное заведение — это значит негосу-

дарственное. Чаще всего свободными являются какие-то светские или, как у нас говорят, лаические школы. Во Франции, как вы знаете, уже довольно давно Церковь отделена от государства. Это касается не только Католической Церкви, но и всех других вероисповеданий и религий. Потому мы не можем быть государственным учебным заведением, но мы признаны как церковная институция Парижской Академией, которая дает нам статус высшего негосударственного учебного заведения.

— Существует ли какой-то контроль над институтом со стороны церковных властей?

— У нас самые тесные взаимоотношения с Архиепископией, поскольку владыка архиепископ является ректором института. Это ректорство в какой-то степени honorifique, почетное, потому что владыка Сергей¹ не имеет богословского образования. Но как архиепископ он стоит во главе своей богословской школы. Что же касается учебного плана и других академических дел, то, конечно, этим занимается декан — отец Борис Бобринский.

— Есть ли у вас сегодня студенты из России? Много ли их? Существуют ли специальные программы обмена студентами между вашим институтом и российскими учебными заведениями?

— Студенты из России есть, и, кстати сказать, их становится все больше и больше. К тому же сегодня к нам приезжают студенты не только из Российской Федерации, но из стран СНГ. Например, много украинцев. Сейчас у нас обучается четыре студента, окончивших Киевскую Духовную Академию. Есть студенты и из Белоруссии. Но специальной программы для них у нас нет. Для этого у нас просто нет сил. Наша основная трудность в том, что мало людей, мало кадров. Все держится на единицах, как обычно это бывает за границей. Мы очень рады принимать студентов из Русской Православной Церкви, но они, конечно, должны или уже знать французский язык, или очень быстро его выучить. Иначе они сидят на лекциях и ничего не понимают. Но когда они берут на себя этот труд и изучают французский язык, то их учеба приносит желаемые плоды. У нас большая русская библиотека, большая часть преподавателей или русские, или говорят по-русски. Русская струя в жизни нашего института еще очень сильна и сейчас в каком-то смысле даже укрепляется. Сейчас совсем другая ситуация, нежели в последние годы так называемого периода застоя. Наш институт активно сотрудничает со Свято-Тихоновским богословским институтом в Москве. Мы являемся побратимами, совместно издаем лекции наших покойных профессоров, таких почтенных и

¹ Прим. ред.: Архиепископ Евкарпийский Сергей (Коновалов) скончался 22 января 2003 года.

известных, как владыка Кассиан (Безобразов), А. В. Карташев, отец Киприан (Керн), отец Василий Зеньковский. Издаем для того, чтобы о них узнали и в России. У нас даже есть скромный обмен преподавателями. Скажем, я приезжаю читать лекции в Москву, а в Париже бывают преподаватели из Свято-Тихоновского института. Так что по возможности мы стараемся поддерживать живые контакты с Русской Церковью.

— Вы являетесь инспектором института. В традиционном для российских Духовных школ понимании эта должность предполагает воспитательные функции, контроль за нравственным обликом студентов. А каковы обязанности инспектора в Свято-Сергиевском институте?

— В самом общем смысле инспектор отвечает за жизнь студентов. Он сам живет вместе со студентами и на месте решает все возникающие вопросы. Это касается как студентов стационара, проживающих в общежитии института, так и тех студентов, которые обучаются экстерном. Основная задача инспектора — помогать студентам. Каких-то острых проблем в вопросах дисциплины у нас, слава Богу, не возникает. Наши студенты прекрасно понимают, зачем они пришли в институт, и что они хотят получить от него. Правда, иной раз приходится напоминать им кое о чем. Особенно это касается послушаний. У нас нет специальных работников. Студенты сами убирают, моют, поддерживают порядок в зданиях института. Я считаю, это очень правильный принцип. Они сами чувствуют ответственность за чистоту общежития, кухни, всех помещений, аудиторий и охотно несут такие послушания, понимают, что это необходимо для общего блага.

— Отец Николай, Вы уже сказали, что сегодня поддерживаете более тесные связи с Россией, нежели в прежние десятилетия. Как Вы смотрите на будущее Архиепископии? Возможен ли, по-Вашему, возврат западноевропейских русских приходов в юрисдикцию Русской Православной Церкви? Или, может, вы уже слишком погружены во французскую жизнь?

— Вопрос языка в Русской Церкви никогда не был решающим критерием канонической принадлежности. Наоборот, Русская Православная Церковь всегда следовала Кирилло-Мефодиевскому принципу неперемного перевода богослужения на местные языки. В самой Российской империи мы можем видеть удивительный пример «многоязычности» литургической жизни. Так что погружение во французскую жизнь канонически не может быть препятствием, скорее наоборот, это еще одна причина укрепить связь с Русской Церковью для того, чтобы укрепить те православные начала, которые необходимы для нормальной церковной жизни. Вероятно, для вас не секрет, что у нас существуют разные тенденции.

Есть очень убежденные сторонники возврата в Русскую Церковь. И есть люди, которые думают по-другому. Я надеюсь, время расставит все на свои места, и Господь разрешит эту проблему. Думается, что именно Русская Церковь сможет обеспечить те канонические рамки, которые нам позволят жить полноценной поместной жизнью. Желательное решение проблемы - это создание в Западной Европе Митрополичьего округа с предоставлением ему реальной автономии (с избранием архиереев на месте) по образцу нынешних Украины и Японии. Это решение для вас самое необременительное, и оно обеспечит то, что нам нужно.

— Сегодня много говорят о реформе духовного образования в России. На Ваш взгляд, к чему должны стремиться наши Духовные школы, проводя реформы?

— Сама жизнь нас заставляет, слава Богу, постоянно что-то менять, усовершенствовать. Потому что, если ждать у моря погоды, то само собой ничего не совершится. Но что понимать под реформой? Минувший век принес много нового в нашу богословскую науку. Состоялся возврат к святоотеческим истокам, был преодолён соблазн русской религиозной философии, о которой отец Георгий Флоровский говорил, что она и не русская, и не философия, а на счет религиозности еще надо подумать. В богословском плане это уже перевернутая страница. Конечно, если кто-то хочет философствовать, — пожалуйста, у стен Церкви. Наверное, в конце концов через это можно прийти и в Церковь, но не надо путать богословие и так называемую религиозную философию, даже в виде софиологии отца Сергия Булгакова. Идет сегодня также возрождение иконописи, церковного пения. Медленно, но верно. Мы как можно скорее должны расстаться со всеми остатками нашей доморощенной схоластики, освободиться из этого пленения вавилонского. Это внесет ясность в наши учебные программы, которые слишком часто говорят в разных курсах об одном и том же, а некоторые очень существенные вопросы обходят стороной. Даже за пять или шесть лет учебы что-то остается не изученным. Скажем, нужно четко разграничить программы по таким дисциплинам как пастырское богословие, аскетика, литургика, гомилетика. Каждый должен заниматься своим предметом, но чтобы обо всем кто-то успел сказать. Возможно, реформа — не самое подходящее слово. Лучше говорить о преобразовании Духовных школ, улучшении учебных планов. Тут можно и нужно многое делать. Главное, чтобы все это было в тех святоотеческих рамках, которые для нас являются критерием.

*Беседовал Владимир Бурега,
III курс МДА*

Мировая образовательная практика и конфессиональное богословие

ИНТЕРВЬЮ ДЕКАНА БОГОСЛОВСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДОКТОРА ИВАНА ЖЕЛЕВА ДИМИТРОВА

— *Господин Желев, позвольте начать нашу беседу с вопросов, касающихся Вашей административной и научной деятельности на Богословском факультете.*

Сегодня реформа системы богословского образования Русской Православной Церкви находится на

очень важном этапе. В настоящий момент решается вопрос о государственной аккредитации российских богословских учебных заведений. В этой связи весьма полезным представляется обращение к опыту Болгарской Православной Церкви в этой области, в частности, теме легализации богословского образования в Болгарии на примере возглавляемого Вами Богословского факультета.

Господин декан, в 1991 году Софийская духовная академия вошла в структуру Софийского университета в качестве Богословского факультета. Вскоре государство признало ученые степени и звания преподавателей факультета, присвоенные им Советом преобразованной Духовной академии. Вот такая ясная и простая картина. Все ли прошло так гладко, как в этой исторической справке?

— По существу, в 1991 году была восстановлена историческая справедливость. Наше учебное заведение создавалось в 1923 году как Богословский факультет Софийского университета, в период управления страной коммунистической партией было переименовано в Духовную академию и изгнано из университета, теперь же вернулось в состав университета. С 1950 по 1991 год, когда факультет существовал как Духовная академия, он находился под патронажем Болгарской Православной Церкви. В это время Синод выполнял роль церковной Высшей аттестационной комиссии (ВАК), и именно синодальным решением утверждались протоколы Совета Академии о присуждении ученых степеней и званий.

С принятием нашего учебного заведения в состав Софийского университета естественно встал вопрос о признании государством наших ученых степеней и званий. После соответствующего решения Совета министров ВАК рассмотрела предоставленные нами документы о присуждении степеней и званий членам преподавательской

корпорации Духовной академии и приняла решение об их признании.

— Какова была процедура рассмотрения документов в ВАКе?

— По каждому конкретному вопросу Комиссией были определены докладчики, которыми стали мы, преподаватели Богословского факультета. Получилось, так сказать, «твоя от твоих». Надо отметить, что все это проходило в обстановке политического благопритворства. В это время правящей политической силой в Болгарии был Союз демократических сил, который тогда еще хорошо относился к Церкви. Государство пошло нам навстречу и постаралось максимально облегчить все процедурные вопросы. При этом все же ВАК со всей серьезностью рассмотрела дело каждого преподавателя факультета, и признание наших степеней и званий было не снисхождением, а именно констатацией уровня научной работы каждого преподавателя. ВАК засвидетельствовала тот факт, что Духовная академия в годы самостоятельного существования придерживалась тех норм и правил, которые регулировали жизнь светских вузов в стране.

Действительно, после реорганизации факультета в Академию в 1950 году руководство Академии сохранило устои и традиции факультета, и при изменениях нормативов в области светского высшего образования производило соответствующие корректировки в академических требованиях и правилах. Конечно, никто не знал, что по прошествии нескольких десятков лет государство пойдет на признание академического образования и на само возвращение факультета в университет. Просто наши предшественники понимали, что образование в стране должно быть единым, универсальным, и независимо от сложностей и проблем богословского образования в атеистическом государстве, Академия должна рассматриваться как часть национальной образовательной системы.

— На момент рассмотрения вопроса о признании ученых степеней и званий преподавателей Духовной академии в ВАКе не было богословов по образованию. Кто входил в Комиссию, занимавшуюся данным вопросом?

— Членами Комиссии были внешние лица. В то время в ВАКе вообще не было богословов. Уже после легализации наших степеней и званий в Научную комиссию и в Специализированный научный совет вошли представители Богословского факультета. На момент рассмотрения нашего вопроса в ВАКе нами занимались специалисты в области гуманитарных наук.

В настоящий момент в ВАКе нет Совета по теологии или богословию, так как богословие курируется Специализированным научным советом по философии. Но мы прорабатываем вопрос учреждения Специализированного научного совета по богословию.

— С вхождением в систему государственного образования богословского учебного заведения потребовалось

принятие государственного образовательного теологического стандарта. В какой мере его введение изменило учебные планы и традиции Академии/факультета?

— Практически без изменений был принят образовательный богословский стандарт, реализуемый нашей православной Духовной академией. Нововведением стал блок педагогических дисциплин, поскольку наши выпускники должны иметь возможность преподавать в высших и средних учебных заведениях. Потребовалось ввести 450 часов Педагогике. Кое-что пришлось сократить, видоизменить, но, в принципе, осталась именно учебная программа Духовной академии.

— В 1923 году на втором своем заседании Ученый совет сформулировал следующие основные задачи Богословского факультета:

1) Подготовка достойных служителей Болгарской Православной Церкви.

2) Распространение православного богословия.

3) Поддержка духовного просвещения.

В принятом в 2001 году Общим собранием Богословского факультета Правильнике факультета эти задачи были повторены.

Как государственный деятель, как член Правительств, отвечающий за взаимоотношения государства и религиозных объединений, не находите ли Вы, что изложенные задачи факультета, входящего в состав государственного университета, противоречат принципу светскости государственного образования?

— Перечисленные задачи остаются для факультета одними из самых главных. И это находит всеобщее понимание.

Например, спортивная академия готовит специалистов для работы в области спорта, но ведь не все интересуются спортом. Почему же государство должно финансировать спортивную академию? Да потому что значительная часть граждан все-таки интересуется спортом, что и обуславливает государственный статус этого учебного заведения.

Большинство жителей Болгарии — православные, поэтому ни у кого не возникает вопрос, почему Богословский факультет государственного университета готовит кадры для Болгарской Православной Церкви или занимается распространением православного богословия.

Интересен тот факт, что возвращение нашего факультета в состав университета было инициировано не нами, а руководством самого университета, то есть государством. Так же по желанию руководства университетов в Велико Тырново, Шумене и Кырджали и там были образованы богословские факультеты. Просто всем понятно, что «универсальность наук» включает и богословие.

— На сегодняшний день на всех богословских факультетах, существующих в Болгарии, реализуется православный богословский образовательный

Богословский факультет Софийского университета имени святителя Климента Охридского

Столпы русской богословской науки: профессора Н.Н.Глубоковский, М.Е.Поснов, А.П.Доброклонский, протоиерей А.П.Рождественский, протопресвитер Г.И.Шавельский, доцент С.В.Троицкий приняли самое непосредственное участие в создании Богословского факультета в Софии

*Святитель Климент Охридский –
небесный покровитель
Софийского университета*

ИНИЦИАТИВА ЦЕРКВИ

Вопрос об открытии богословского учебного заведения в Болгарии был поставлен в 1908 году, когда Святейший Синод Болгарской Православной Церкви обратился в Министерство вероисповеданий Болгарии с предложением учреждения богословского факультета при Софийском университете.

После долгих переговоров между Синодом и Советом министров в 1921 году Министерство народного просвещения внесло в Народное собрание проект Закона об образовании, в котором оговаривалось открытие при Софийском университете Богословского факультета. После принятия Закона началась подготовка к открытию факультета. Согласно Закону на факультете создавались 8 кафедр: Священного Писания Ветхого Завета, Священного Писания Нового Завета, Систематического богословия, Истории религий и истории христианства, Церковной археологии и литургики, Пастырского богословия и Патристики, Церковного права и Гомилетики.

К 1922 году заканчивается строительство здания, в котором был размещен Богословский факультет. Благодаря невероятным усилиям Синода здание было построено в центре столицы на месте, отведенном государством для возведения памятника в честь учреждения Болгарской экзархии. Следует отметить, что строительство велось на собственные средства Синода. Таким образом, Богословский факультет стал своеобразным памятником в честь восстановления независимости Болгарской Церкви.

СТАНОВЛЕНИЕ ФАКУЛЬТЕТА

Первые занятия на факультете начинаются с 1923/1924 учебного года. К этому времени заканчивается формирование основного состава преподавательской корпорации факультета. Первыми профессорами факультета стали доктор архимандрит Евфимий Сапунджиев (профессор по кафедре Систематического богословия) и доктор протопресвитер Стефан Цанков (профессор по кафедре Церковного права), который и стал первым деканом вновь открывшегося факультета. Большая роль в формировании учебных планов, самого облика факультета принадлежит русским ученым-эмигрантам, нашедшим в то время пристанище в гостеприимной Болгарии. Столпы русской богословской науки: профессор Н.Н.Глубоковский, профессор протоиерей А.П.Рождественский, протопресвитер Г.И.Шавельский, профессор М.Е.Поснов, профессор А.П.Доброклонский, доцент С.В.Троицкий всецело посвятили себя преподавательской деятельности на новоучрежденном факультете.

Здание богословского факультета Софийского университета

время учебные планы и программы приводятся в соответствии с государственными и международными нормами, пополняется преподавательский состав, реализуется программа по специализации студентов и преподавателей факультета в зарубежных учебных заведениях.

В 1997 году государство ввело в учебные программы общеобразовательных школ предмет Религия, что дало возможность выпускникам Богословского факультета активно включиться в работу в системе государственного образования.

БОГОСЛОВСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ СЕГОДНЯ

9 марта 2001 года Общее собрание факультета утвердило «Правильник Богословского факультета», в котором нашли отражение цели и задачи факультета, сформулированные при его учреждении в 1923 году. Согласно Правильнику:

1.2. Богословский факультет — высшая богословская школа, имеющая целью служение болгарскому народу и Болгарской Православной Церкви, готовящая священнослужителей, церковнослужителей, преподавателей по Религии в светских и духовных учебных заведениях, а также работников во всех сферах духовной жизни общества.

1.3. На Богословском факультете богословие преподается в полном соответствии с вероучительными истинами Православной Церкви \... \

1.4. Данный Правильник не противоречит Закону о высшем образовании и регулирует деятельность Богословского факультета в его задачах, целях и функциях. В нем излагаются принципы, дух и традиция Богословского факультета от его создания в 1923 г., а также в период с 1959 до 1991 гг., во время его существования под именем Духовной академии имени святителя Климента Охридского.

В специальной главе «Духовная и богослужебная жизнь» нашли отражение вопросы духовной жизни преподавателей и учащихся. В ней достаточно подробно регламентируется участие преподавателей и учащихся в богослужениях, совершаемых в домовом храме факультета, излагаются правила жизни факультета в дни православных праздников и многодневных постов.

В настоящее время факультет имеет две кафедры:

- 1) Священного Писания Ветхого Завета и Нового Завета, Истории Церкви и Церковного Права;
- 2) Систематического и Практического богословия.

Деканом факультета является доцент доктор Иван Желев Димитров, директор Дирекции по вероисповеданиям при Совете министров Республики Болгарии.

Л. В. Ковтырева, научный сотрудник
Государственной Третьяковской галереи

Икона игумена Германа

Поздние иконы, как правило, обделены вниманием исследователей и тех, кто осваивает иконописное дело. Это связано, отчасти, с мнением, что к XIX веку русская икона утратила лучшие свои черты. Отступление от традиций выразилось в пренебрежении древними иконописными канонами и потере той внутренней силы, которая питала древнее благочестие и была обусловлена глубиной веры.

Однако значение иконы, на наш взгляд, в большой степени определяется не эпохой, а, говоря современным языком, личностью иконописца и уровнем его готовности воспринять Божественный дар — выразить самые сокровенные образы духа. Для этого, помимо овладения техникой письма, знания традиции, требуется особая степень «устроения души» иконописца.

Церковное предание хранит имена святых подвижников древности, которые обладали даром искусного иконописания. Среди них преподобный Алипий Киево-Печерский, стоявший у истоков русской иконы, святой митрополит Московский Петр, преподобный Андрей Рублев, преподобный Антоний Сийский и многие другие. К сожалению, иконописные труды большинства из них дошли до нас только в предании. Подписные иконы в древности — большая редкость. Часто авторство той или иной иконы устанавливается на основании косвенных источников и потому имеет в значительной мере предположительный характер.

Тем отраднее факт обретения иконы с «автографом» подвижника веры начала XX века, судьба которого связана с обителью, имевшей славу Северной Оптиной — Зосимовой пустынь. Речь идет о старце, духовном наставнике известных деятелей Церкви и светского круга, игумене Германе (Гомзине)¹.

Обстоятельства «открытия» его иконы необычны уже тем, что произошло это в дни канонизации новомучеников

XX столетия, среди которых преподобный старец Алексей Зосимовский — ближайший сподвижник, спостник отца Германа, возраставший в обители под его духовным водительством и до поступления в монастырь двадцать восемь лет служивший в храме святителя Николая в Толмачах, что ныне при Третьяковской галерее.

Икона «Господь Вседержитель» (размер 1247x94 см), исполненная в технике масляной живописи на холсте, хранилась в фондах музея с 1931 года. При поступлении она была определена как произведение неизвестного художника начала XX века. В правом нижнем углу ее имеется авторская надпись: «*писана Зосимо пус 1909 г 24 авг*». Но имя автора, органично вписанное в орнамент нижнего поля, не привлекло к себе внимания, хотя читается без труда — *игумен Герман*.

Не вдаваясь в тонкости искусствоведческого анализа произведения, позволим себе только отметить каноничность образа. Она выразилась в традиционности иконографии и стремлении автора, используя приемы живописи маслом, тем не менее следовать византийской традиции темперного письма: имитировать коричневый с желтым оттенком санкирь, применять мягкое охрение с элементами «личного», «плавного» письма.

Какова же судьба этого образа?

Среди тех, кто почитал отца Германа, была Великая княгиня Елизавета Федоровна, основательница Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, ныне прославленная Церковью в лике преподобномучениц. Она неоднократно посещала Зосимову пустынь, о чем свидетельствует календарь — монастырский летописец. Среди прочих отмечен день 5 сентября 1909 года. На оборотной стороне иконы на верхней части подрамника имеется поблекшая чернильная надпись: «*В церковь святых Марфы и Марии в благословение от игумена Германа Смоленской Зосимовой пустыни, 6-го сентября 1909 г.*» Видимо, именно в этот свой приезд в монастырь Елизавета Федоровна получила икону в дар как благословение на открытие обители сестер милосердия. В нижней части слева на подрамнике пожелтевшая

¹ Канонизирован вместе со старцем Алексием Зосимовским на Юбилейном Соборе 2000 года.

бумажная наклейка с чернильной надписью даты «инвентаризации» иконы в обители сестрами: «Господь Вседержитель писана игуменом Германом пожертвована им обители 1909 года сент.8.» На другой же день, 9 сентября 1909 года, как известно, больничная церковь Марфы и Марии была освящена, живым свидетелем чего остается эта дошедшая до нас спустя почти 100 лет икона.

«...Воспоминание о Зосимовой пустыни для меня всегда дорого, я почерпаю у Вас спокойствие и духовное утешение. Прошу Ваших святых молитв за меня и мою обитель», — писала Елизавета Федоровна игумену Герману и братии монастыря в канун Рождества Христова в 1910 году¹.

Иконописание для отца Германа было неотъемлемой частью жизни. Он всегда поощрял это искусство, и при келии у него имелась маленькая мастерская. Первые уроки рисования он получил в десятилетнем возрасте в Москве. Его первые учителя — живописец Василий Яковлев, затем выпускник Академии художеств середины XIX века Иван Иванов.

Первый иконописный заказ — фамильная икона для родного брата, образ для церкви мученика Трифона.

Свой монашеский путь отец Герман начал в 1868 году в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой Лавры, основанном митрополитом Московским Филаретом. Исполняя в монастыре живописное послушание, подвижник выполнял практически весь объем реставрационных работ в пещерном храме. Кроме того, писал иконы на заказ.

Сам отец Герман в своих записках очень критически относился к тому, что делал: «Много икон написал я в жизни, да писал-то я плохо, неумело, — так, больше тщеславился да думал, что пишу хорошо, а на самом деле живописец я был плохой». Но эти иконы имели свои судьбы, об одной такой поведано в воспоминаниях: «...Находил свои иконы в разных городах и местах. Раз, помню, ехал я в Киев. Прихожу в женский монастырь, что против Киево-Печерской Лавры, там недалеко стоит монастырская часовня. Она была открыта. Я вошел, хотел свечку поставить. Смотрю, икона Черниговской Божией Матери. Подхожу ближе: Боже мой! Моя икона: в углу написано мое имя, 1887 год. Поставил я свечу и спрашиваю у монахини, почему на иконе Божией Матери привешены золотые и серебряные руки, ноги, голова. Она мне отвечает: «Потому что икона чудотворная». Боже мой! Моя икона, мною написана — и чудотворная!

— А кто ее писал? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает она нехотя².

По сведениям митрополита Вениамина (Федченкова), иконы игумена Германа были в Петербурге, Саратове, Чернигове, Нижегородской губернии, Кашине и, конечно, в Москве, например, в часовне преподобного Сергия на Ильинке. «Дошли» его иконы даже до Иерусалима, одна икона Черниговской Божией Матери была на Афоне.

В Гефсиманском скиту батюшка подвизался 30 лет. В 1897 году, будучи иеромонахом, принял назначение в Смоленско-Зосимову пустынь, где в 1916 году принял схиму и насельником которой оставался практически до ее закрытия в 1923 году. Ликвидация монастыря совпала со смертью прозорливого старца, предсказавшего это незадолго до своего ухода.

На протяжении всего жизненного пути, пока позволяли зрение и силы, отец Герман писал иконы. «Сразу можно узнать его кисть, — вспоминал епископ Арсений (Жадановский), — написанные им иконы внушают особенное молитвенное чувство...»³. С точки зрения иконописной традиции эти работы были выполнены поновому: в технике масляной живописи, на холсте. Но не стоит только поэтому отвергать и критиковать их. Каждый служит Богу, как и чем может. Праведная жизнь отца Германа, почитание его икон среди народа, чудеса, происходившие от них, являются лучшим свидетельством богоугодности его трудов.

² Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. М., 1997, с.73–74.

³ Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995, с.66.

¹ Журнал «К Свету» №14, б.м., б.г.

У Преподобного

Воспоминания выпускника Семинарии 50-х годов

*Семинарские годы были
самые счастливые, самые-самые...
Семинария все дала и всю жизнь изменила...*

Примерно в 1946 году, когда мне было девять лет, у моей крестной появился жилец Сережа Музыченко, студент медвуза, который готовился к поступлению в Духовную семинарию. Позднее я узнал, что его дед был епископом, а отец — дьяконом. Этот Сережа меня зацепил... за самое живое, попал своей верой в самое сердце. Я смотрел на него во все глаза: студент, молодой и... верующий. Бывало зайду к нему и вижу: лежит на кровати, книгу читает «На запросы духа». Словарей у него много было, стихи он любил. У меня сохранилась его тетрабочка с эпиграфом «Здесь все, что выстрадал в ночной тиши, здесь перлы лучшие со дна моей души». Мне он говорил: «В школе занимайся, школа нужна, но сам читай побольше, самообразовывайся, запишись в Государственную библиотеку (не хочется мне полностью писать это название)». Я записался и очень удивился, когда увидел там в общем зале на открытых полках энциклопедию Брокгауза и Эфрона. И просто сел и выписывал в тетрадь все, что находил о вере, Церкви и Боге. Занимался я, двоечник и балбес, в огромном зале среди очень умных людей. Читал не только энциклопедии, а и словари: иностранных слов, латинских изречений. Этого мне вполне хватало, к тому же религиозную литературу тогда получить было очень трудно, нужно было иметь какое-то специальное разрешение. Мне, например, не выдали даже «Журнал Московской Патриархии», спросили, для каких целей он мне нужен. Так я «самообразовывался»...

Мама как-то попросила Сережу написать «Верую», и он очень грамотно и красиво написал Символ веры на листочке, который у нас долго хранился. Однажды я увидел у него «Правила для поступления в Московскую Духовную Семинарию», отпечатанные на папиросной бумаге. Что-то во мне произошло: а что если и мне попробовать поступить? Я понимал, какая пропасть была

между Сережей и мной: он был образованный парень, а я недоучка какой-то. Я и в школе учился плохо, и был какой-то замкнутый, стеснительный очень. Прочитал я эти «Правила», а там написано, что надо знать какие-то начальные молитвы, хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Переписал я с Сережиного молитвенника тексты молитв, а у дяди Коли попросил требник и стал учиться читать по-славянски. Требник был дореволюционный, с молитвами об императорской фамилии: «Еще молимся о Государе нашем императоре Николае Александровиче и всем царствующем доме». От такой молитвы теплее становилось на душе и верилось, что не все потеряно для России, что Царь-батюшка вызволит нас из советской бездны. Я штурмовал требник с карандашом, а если слово мне было непонятно (я тогда ничего не знал о титлах), то я его карандашом обводил и долго думал над ним, пока оно мне не открывалось. Учил молитвы наизусть: утренние, вечерние, псалмы, заповеди блаженства, десять заповедей; ходил, зубрил и боялся, что спросят вразбивку, так как я учил все молитвы подряд.

Я чувствовал, как постепенно отделялся от своих сверстников, вырастал и отходил от них. Двор с ребятами ушел на второй план, меня не понимали: в храм почти никто из них не ходил. А я тихонечко-тихонечко подбирался к Семинарии, уже почувствовал в себе какое-то новое течение, из которого не хотелось выходить. Душой я был уже в стенах Семинарии, куда стремился, «как олень на источники водные». Мама радовалась детской радостью: ее сын вон что задумал, вон куда замахнулся... — и молилась, молилась. Ей, наверное, просто не верилось: я рос без папы, она была всего лишь уборщицей, бабушка крестиком расписывалась. Семинария в нашей семье казалась какой-то недосягаемой высотой. Что мама передумала в те годы — никто не знает, но, видно, молилась и просила Бога о помощи. Я и сам мало верил в успех: способностями не отличался, одно только во мне было — тяга к духовному чтению, которое меня

¹ В настоящее время служит в храме Архангела Гавриила (Антиохийское подворье) в Москве.

заглатывало, захлестывало так, что я не мог оторваться и постепенно чувствовал, что становился другим. Очень боялся, что не поступлю в Семинарию, не знал, как буду жить дальше в жизни, где меня больше никакая профессия не устраивала. Меня потянуло к Церкви так, что не оторвешь, а потом, позднее — и к людям, которые за эту Церковь голову были готовы положить.

Времена-то были не теперешние, много преград, насмешек и страха находилось на пути к священству. Семинария тогда стояла «за семью печатями», настрой в обществе был враждебный Богу. Нужно было обладать либо феноменальными способностями, либо очень сильной верой для того, чтобы выскользнуть из атеистического пекла, пройти сквозь все препятствия и препоны. Человек тогда проверялся верой и храмом. Верись в Бога, ходишь в храм — значит неблагонадежен по отношению к советской власти, и везде тебе будут ставить препоны. Священнического пути я тогда не понимал, знал только, что это и тюрьмой могло грозить, и даже чем-то похуже. Работа против верующих велась на всех уровнях, но мы с мамой все равно решили, что я поеду поступать в Семинарию, так сильно была в нас вера в Бога и в Его заступничество.

Мы иногда приезжали в Лавру помолиться преподобному Сергию. Однажды мы сидели на скамейке в Лавре, к нам подошел паренек и спросил:

— Вы не знаете, как пройти в канцелярию?

— А зачем тебе?

— А взять «Правила для поступающих в Духовную Семинарию».

Я тоже решил пойти с ним: вдруг что-то в правилах изменилось? Паренек оказался из Тушина, с Трикотажки, это был будущий священник Вячеслав Юхновский. Он жил тогда с мамой, которая запрещала ему ходить в церковь, но он в тайне от нее ездил в храм на Сокол, где прислуживал у отца Михаила Голунова. Слава стал к нам ездить в Хамовники в гости и на акафист к «Споручнице», где он стоял у самой иконы и следил за порядком, так как давка была ужасная. В день похорон моей бабушки Слава нес ее гроб до самой могилы. Мы ему и сообщить не успели о смерти бабушки, а он сам приехал. «Никак себя найти не мог, — говорит, — прямо голос какой-то шепчет, что надо ехать к Славе в Хамовники».

Печально, что бабушка не дожидая до моего поступления в Семинарию, но ушла она в вечность, зная, что я решил стать священником, и хоронили ее два будущих священника: два Славы.

Семинария грезилась мне, притягивала, как магнит. Собирал документы: справку о крещении заверяли в домоуправлении; соседи и крестная заверяли, что я крещеный, а домоуправ подписывал и ставил печать. Несколько лет в школе я тяжело болел, но перед поступлением болезнь легких отступила: рентген соврал. Господь на минуточку болезнь отвел в сторону, и она отошла, а что ей оставалась делать, против Господа-то она бессильна. В справке было написано: «Такой-то, поступающий в Духовную Семинарию, здоров». Затем я получил

рекомендацию отца Павла Лепехина, приложил к ней аттестат с тройками и поехал в Лавру...

В Семинарию мы приехали поступать со Славой Юхновским. Вспоминаю длинный коридор на первом этаже и проходную комнату, в которой нас поселили. Начали сдавать экзамены... Был там в то время воспитатель Анатолий Петрович Горбачев — высокий, солидный, полный. И вот как-то Слава решил с кем-то пошутить и замахнулся подушкой, а воспитатель тут как тут: «Ваша фамилия?» И Славу попросили удалиться из Семинарии. Я очень переживал: ведь вместе приехали и как-то уже сроднились.

Вступительные экзамены проходили с первого по десятое сентября. Я все молился Преподобному: стою на коленочках, лбом в пол и голову поднять боюсь: «Преподобный отче Сергие, возьми меня в число твоих учеников!»

Большой зал на третьем этаже, а у дверей толпа в сто двадцать человек, из которых примут только сорок. Вызывают по одному, захожу, крещусь, передо мной длинный стол, за ним преподаватели, профессора, ректор. Спрашивают, откуда я, с кем живу, дают славянский текст, справляюсь с волнением и читаю... Остановили: «А вы что же ударения не смотрите?» По правде говоря, я на ударения никакого внимания не обращал, когда готовился.

Вскоре после поступления в Семинарию

- Сколько классов окончили?
- Семь классов.
- А что же у вас одни тройки?
- Почему же, там есть и четверка.
- Но это ведь по истории.
- А здесь как раз история и нужна.
- Все рассмеялись.
- А кто вам давал рекомендацию?

Я замешкался, потому что не знал фамилии отца Павла, настоятеля Хамовнического храма, который рекомендовал меня для поступления. Но кто-то из комиссии опередил меня:

- Отец Павел Лепехин.
- Отец Павел Лепехин?!

Что-то очень уважительное и почтительное прозвучало в этом невольном вырвавшемся возгласе, и я как-то сразу понял, что меня примут несмотря на то, как я сдам экзамены. (Позднее я узнал, что отец Павел был в очень хороших отношениях с Патриархом Алексием I и пользовался большим уважением среди священников).

А потом было пение, старичок нажимал на клавиши: «Ну давайте: «До-о-о-о, с-о-о-оль», «Царю Небесный». Я так и не понял, понравился я ему или нет. Изложение я вроде написал хорошо. Читал я много и писал грамотно.

Затем была медицинская комиссия, которой я боялся пуще всего, и не только я. Помню, как один из поступающих (сейчас известный протоиерей), вышел в коридор, вырвал из военного билета листок с «сердечной статьей», которая могла ему помешать поступить в Семинарию, попросил другой лист с «проходным» диагнозом, вставил и... закончил не только Семинарию, но и Академию.

После экзаменов нас собрали в большой аудитории на третьем этаже: вошел преподаватель, мы встали. Я стою у последнего столика, со мной рядом Витя Волков из Владивостока. Зачитывают: «Ведерников, Винокуров... **ВИННИКОВ!**» Меня будто стрелой пронзило: принят, принят! И сразу как-то легко стало, слышу: «Волков», и жму Витину руку, впился в нее, а он стоит, улыбается. Шум поднялся, все загалдели, одни домой собираются, другие — к Преподобному, я в их числе...

Мама тем временем во дворе стояла, увидела троих ребят и спрашивает:

— Вы не скажите, Винников Слава, такой высокий, худой, принят?

Один говорит:

— Нет, не принят.

А другой:

— Да что ты ерунду говоришь? Длинный такой, худощавый? Конечно, принят. Вы идите, его там позовут.

Я ни с чем в жизни никогда не мог сравнить мое поступление и пребывание в Семинарии. И как только я сподобился такого чуда? Оказаться в святом месте, в Лавре, в Духовной школе, — я, подвальный Славка, худющий и длинный, учившийся в «школе дураков», не умеющий решать простые задачки! Хотелось целовать эти стены, трогать их руками и верить, что это не сон — я принят! Я все это расценивал как чудо: учился, спал,

ходил по дорожкам и... не верил: неужели это со мной случилось, и я у Преподобного? В Семинарии был особый воздух, здесь все отличалось от безбожного мира. Держу в руках небольшие тетрадные листочки, письма, что я писал из Семинарии маме, и вспоминаю...

Многие из знакомых и соседей не поняли и не приняли моего выбора. Кто за дурака меня считал, кто за врага. Раз в Церкви — значит против советской власти. В доме, когда узнали, что я поступил в Семинарию, то спрашивали маму: «Ленка, да ты что, зачем ты его туда отдала?» Ребятам это тоже было непонятно, и они на меня смотрели с каким-то удивлением, насмешкой или с жалостью. Был, мол, Славка, с которым бегали и играли, и вдруг... — «поп», хотя до попа было еще очень далеко. Почему-то все сразу решили, что у меня теперь много денег, а я получал стипендию 13 рублей, только на карманные расходы, потому что находился на полном семинарском обеспечении. И стали у меня занимать деньги: дай рубль, дай рубль с полтиной, в основном, это на «четвертинку», и почти никогда не отдавали. Наконец, мне это надоело, и я перестал давать, стал объяснять, что денег у меня нет, что стипендия очень маленькая... Кое-как отвертелся. Многие, наверное, думали, что я из-за денег пошел в Семинарию учиться, а у меня часто не было денег на электричку, чтобы добраться до Семинарии или съездить домой. По тем временам билет стоил 53 копейки, а штраф был три рубля. Сидишь, бывало, и высматриваешь контролера, видишь, что идет, вскакиваешь и бежишь в другой вагон, на следующей остановке выскакиваешь и бежишь в тот вагон, который он уже проверил. Бывало, и попадался, да не один, а с другими семинаристами. Соберет контролер нас всех в тамбур: давайте, говорит, собирайте три рубля, и после этого отпускал. Немного стыдно нам было, что мы, семинаристы, (нашу одежду все на этой дороге знали) едем без билета, но делать было нечего.

В Лавру на нас приезжали смотреть из-за забора, как в зоопарк на каких-то невиданных зверей. Вечером из Лавры старались не выходить: местные загорские могли избить. Да только ничто не могло омрачить моей радости: я семинарист, я семинарист, и мама была на седьмом небе от счастья.

После зачисления в Семинарию был отслужен молебен у Преподобного Сергия, мы все счастливые гуськом шли его благодарить. Отныне каждое утро я просыпался в чертогах Елизаветы Петровны, а мыслями уже бежал к Преподобному. Одеваюсь и — скорее к нему, на молитву и под благословение. А у Преподобного тишина, в благодатном полумраке свечи горят, у изголовья святых мощей батюшка стоит, хор поет... Мама часами тут простаивала, и я всегда удивлялся, откуда она силы брала: маленькая, худенькая, слабенькая, а какая в ней духовная сила. Она умела все преодолеть, и длинные службы, и дальние поездки, только бы доехать туда, куда душа зовет, и помолиться. Особенно она любила молиться у Преподобного.

День в Семинарии и Академии начинался с молитвы у Преподобного, у которого все просили благословение

на предстоящий день. Потом был завтрак, утренние занятия, обед, вечерние занятия, вечерние молитвы в академическом храме, оставалось время для прогулок в академическом садике и для сна. Перед едой читали «Отче наш», а после — «Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, не лиши нас и небесного Твоего Царствия...» Эти слова молитвы всегда кто-нибудь обыгрывал: «Ишь, чего захотел, чтобы и здесь чрево напитать, набить, и Царствие Божие получить?!»

После зачисления нас повели на склад в подвал, где каждый должен был выбрать для себя китель и брюки из того, что осталось от прежних семинаристов. Я долго не мог выбрать китель, так как был худощавым, а выглядеть хотел солидным, с широкими плечами. Помню, что под китель я поддевал свитер, и все равно он был мне великоват. А брюки все были блестящие от долгого сидения их прежних владельцев, но все равно мы радовались форме, я ее и гладил, и нюхал, только что не целовал. О новой форме даже и мысли не было: эта была родной, своей. Для меня все в Лавре было свято, я перед всем благоговел: стены, коридоры, лестницы, конспекты, парты, стулья — все было се-ми-нар-ско-е, и все было связано со святым именем Сергия. Все было освящено Преподобным: он незримо жил среди нас, сидел с нами на занятиях, обедал в столовой, гулял по лаврским аллеям, был в храме в алтаре, не оставлял нас и когда мы уезжали в Москву. Весь воздух был пропитан им, и в этом

воздухе всегда жила молитва, которая раздавалась во время молебна на лаврской площади: «Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас!». Я как только вспомню Лавру, сразу становлюсь другим — молоденьким мальчишкой в семинарской форме, бегущим утром к его мощам за благословением на предстоящий день. А он взял и благословил меня на всю дальнейшую жизнь, на служение в Церкви, вот почему он мне так дорог, мой родной преподобный Сергий!

* * *

Утренние занятия были с переменами и чем-то напоминали школу. Преподавали нам даже советскую конституцию. Преподавателя, профессора Ивана Никитича Щабатина как-то спросили: «А кто делал революцию?» Он почесал в затылке и изрек: «Тюха, Матюха, да Колупай с братом», — всех рассмешил. Позднее, работая в Издательском отделе Патриархии, я побывал у Ивана Никитича дома и увидел на столе пишущую машинку и... бюст Ленина(?!). Знали, видно, кому поручать преподавать будущим священникам «великую сталинскую конституцию».

Любимым преподавателем у меня, как и у многих, был отец Тихон Агриков, тихий, спокойный и всегда как бы чего-то смущающийся. Он преподавал Священную Историю Ветхого Завета. Перед занятиями он обратился к нам с таким словом: «Всегда помните этот день, когда вы вступили в Духовную школу, и старайтесь это чувство и настроение сохранить на все время учебы». Он очень любил служить и в течение тридцати лет каждый день совершал литургию. Как-то раз я стал невольным свидетелем того, как на улице отца Тихона окружили нищие, похоже, поджидавшие его: не глядя, он вынимал из кармана рясы пятидесятирублевые купюры и одаривал просящих. Но, видно, своим нестяжанием, своей духовностью он кому-то не понравился, и его вскоре убрали из Семинарии и из Лавры. Кампания против отца Тихона была инсценирована: когда он по пути в монашеский корпус поравнялся со сторожкой, на него бросилась какая-то женщина, из этого раздули историю, и отца Тихона уволили. Потом он ушел в затвор в одном из монастырей на Кавказе и написал книгу воспоминаний. Долго о нем ничего не было слышно, а в 2000 году я узнал, что он служил всеобщую в селе Тайнинском под Москвой, произнес: «Слава тебе, показавшему нам Свет!» — и тихо отошел ко Господу. Праведная жизнь — праведная и кончина. А незадолго до этого он принял схиму и ушел от нас схиархимандритом Пантелеимоном.

Латынь нам преподавал Лебедев, которого за глаза звали Amicus. Как-то я решил подшутить над моим товарищем Юрой Рзяниным (который был из Моршанска, и на вопрос, чем Моршанск отличается от Москвы, всегда отвечал: «Там фонари пониже и асфальт пожиже») и посоветовал ему: «Будешь здороваться с преподавателем латыни, приветствуй его словами «quo vadis». Он так и сделал, а Amicus ему в ответ: «Куда хочу, туда и иду». «Quo Vadis» — это название романа Сенкевича «Камо грядеши» («куда идешь»), которым мы тогда в Семинарии зачитывались.

«В Семинарии был особый воздух, здесь все отличалось от мира»

Крестный ход на Пасху в послевоенной Семинарии

На соседней койке в Семинарии спал Всеволод Ермаков, добродушный парень, с простой и глубокой верой. Учеба ему не давалась, он добродушно улыбался и говорил: «Учеба — это не по мне, ничего у меня не получается». Как-то ему прислали запеченную курицу, он ее достал и говорит: «Угощайтесь, ребята». Ну, мы и «угостились», да так, что ему ничего, даже косточки не досталось. Он только улыбнулся в ответ. Потом он исчез из Семинарии, а объявился несколько лет спустя в Издательском отделе, где я работал. Открывается дверь, и заходит Всеволод, в подряснике, в сапогах, мы сразу друг друга узнали:

— Всеволод, где же ты теперь?

— А я на Кавказе, живу в горах у отшельника Н... приехал хлопотать за свою сестру, чтобы ее в монастырь взяли. Владыка Питирим меня знает, может, поможет.

Вот он и нашел себя в монашестве.

Другой мой товарищ по Семинарии Витя Волков из Владивостока, с края земли, в армии был поваром и очень хорошо умел жарить картошку. Мы быстро подружались, он стал приезжать к нам в подвал, а с его легкой руки к нам стали приезжать духовные лица из Сибири: епископ Омский и Тюменский Венедикт (Пляскин), протодьякон Арсений Дядю, протодьякон Борис Бухтатов, Архиепископ Вениамин (Новицкий), преподаватель

Семинарии Анатолий Просвирнин, секретарь епархиального омского управления, с сестрами.

В Семинарии я подружился с Дмитрием Дудко. Он был очень милый, с востреньким носиком, как старец Зосима у Достоевского, небольшого роста, но с большой лысиной, быстро-быстро говорящий, умный, начитанный, хорошо знавший литературу, смешливый, понимающий юмор, очень интересный собеседник. Не знаю, каким я, тогда 18-летний юнец, казался ему, уже тогда отсидевшему семь лет за веру. Его взяли с первого курса академии. Что-то, видно, сказал неподобающее о власть предержащих, а на него «стукнули». Вечерами мы ходили с ним по дорожкам академического садика и разговаривали. Я был его постоянным собеседником, очень привык к нему и видел, что некоторые его побаивались: судимый студент, лучше, мол, держаться от него подальше. Хорошие то были вечерние прогулки, мама называла нас Пат и Паташон: один длинный и худой, а другой маленький, лысый и — очень умный. Дима много говорил о Достоевском, о Владимире Соловьеве; я тогда ни «Братьев Карамазовых», ни «Бесов», ни «Краткой повести об Антихристе» еще не читал, а потому говорил Дима, а я только слушал. Как-то он сказал: «На улице Горького появился двухтомник Достоевского «Братья Карамазовы», не пожалей денег и купи». Этот двухтомник и сейчас у меня на книжной полке стоит; я этих «Братьев Карамазовых», наверное, раз десять прочитал, столько же — «Бесов», но больше всего «Преступление и наказание».

В Семинарию я поступил со школьной скамьи. До поступления я, конечно, знал, что Церковь гонима, но только за годы учения в Семинарии я осознал, насколько Церковь пронизана безбожной властью и разрушаема ею изнутри. Открыто на эту тему в Семинарии говорить было нельзя, я делился в основном с Дмитрием Дудко. Я его видел в ореоле мученика и совсем не боялся откровенничать с ним: все наши разговоры на вечерних прогулках в академическом садике (если к нам никто не подходил) были о положении в Церкви, о пришествии Антихриста. Я скоро понял, что как среди преподавателей, так и среди студентов были «стукачи». Любое неосторожное слово могло привести к непредсказуемым последствиям.

Как-то на Рождество в чертогах Академии был вечер: звали выступления, церковные песнопения. Вдруг Дима мне говорит: «А я им прочту «Прозаседавших» Маяковского». Это был его намек на то, что в Академии тоже было много болтовни и пустых разговоров. Он вышел и звенящим голосом, каким-то дискантом, выкрикнул стихотворение. Стоял он под елкой: маленький, куда-то рвущийся, похожий на взъерошенного воробышку, и декламировал Маяковского, — а я сидел гордый оттого, что мне он доверил свое намерение, что я знал, какое стихотворение он будет читать. На память от Димы мне осталась его фотография: он стоит под Рождественской елкой, под самыми игрушками, а на обороте подпись: «Карлику-великану Славе от великана-карлика Димы, будь всегда маленьким ребенком, жизнерадостным и никогда

не унывай». Надпись напоминает мне о смешном эпизоде из нашей дружбы: третий этаж учебного корпуса, никого нет, мы одни. «Давай, — говорит, — я сяду к тебе, Славка, на закорки и посмотрим, сколько шагов ты меня пронесешь. А потом я тебя». Забрался на меня, и я его понес. Настала его очередь меня везти. Забрался я ему на спину, ноги у меня волочатся по полу, потому что я выше его чуть ли не наполовину. Поднатужился он и везет... вдруг с лестницы показывается инспектор, милейший и всеми любимый архимандрит Леонид (Поляков), — увидел нас и изрек, покачивая головой: «Старый осел молодого везет». Дима очень смутился, он был старше меня, да и я не знал, куда деваться, в глазах отца Леонида мелькнули веселые искорки, и он удалился. Все обошлось.

Смех и грех — он же сейчас писатель, признанный духовник и проповедник, многими любим, а в те годы я на нем верхом по коридору ехал... И он меня в то время действительно «вывез» к духовному сану, помог мне определиться на пути к пастырству, есть в этом и его доля. Он к тому же часто проверял у меня сочинения и делал необходимую правку. Помню, я писал сочинение «Категорический императив Иммануила Канта как основа нравственности» и везде написал «категарический», несмотря на что получил четыре с плюсом и похвалу от отца Ректора.

Когда меня вызвали в военкомат, Дима мне сказал: «Будь осторожен в красном здании, куда тебя вызывают, могут завербовать в стукачи». Я пошел и все старался помнить его слова, чтобы не попасть на какую-нибудь удочку, но все обошлось благополучно.

Был у меня в Семинарии и еще один друг — Глеб Якунин. Тогда это имя никому ничего не говорило. Помню коридор в учебном корпусе, а по нему проходит молодой человек среднего роста с огненно-красной шевелюрой под «политический» зачес, и кто-то мне говорит: «Глеб Якунин, окончил биологический...» В то время люди с высшим образованием вызывали восхищение. По прошествии какого-то времени слышу: «Отчислен за несоответствие духу школы». Потом я узнал, в чем выразилось это несоответствие. КГБ время от времени просматривало библиотечные фонды академической библиотеки и что-нибудь изымало оттуда, например, книги Бердяева, Булгакова, Ильина. На карточке Глеба Якунина числилась «Философия свободы» Бердяева. Его позвал библиотекарь и попросил вернуть книгу. Глеб догадался, — «кому» вернуть, и сказал, что он книгу потерял и оплатит ее стоимость. «Там» тоже поняли, что это за «потерял», и академическое начальство отчислило Глеба из семинарии за несоответствие духу школы. Вот такой в нашей школе был «дух» — советский, коммунистический.

Инспектором в то время в Семинарии был архимандрит Леонид (Поляков), бывший майор медицинской службы, человек добрый, духовный и с хорошим чувством юмора. Он преподавал нам Гомилетику, науку о красноречии, проповедничестве и всех нас называл отцами: отец Виктор Волков, отец Николай Радул, отец

Вячеслав Винников... И правда, мы все стали потом отцами. Помню, однажды он вынужден был «поздравлять» нас с годовщиной «великой октябрьской социалистической революции». Ходит между столами и отдельно, четко произносит: «Великой», затем помолчит: «Октябрьской». Я гляжу на него во все глаза и вижу в его лице совсем другое: глаза его смеялись и выдавали его с головой, в них не было никакой «великой», там была горькая насмешка, голос и интонация звучали полной противоположностью его словам. Мало кто из ребят понял отца Леонида, только Дима Дудко хитро шурился и улыбался глазами, он-то на себе испытал «величие» революции, и кому как не ему было понять «поздравительную» речь инспектора. Я потом маме пытался в лицах пересказать речь инспектора, а она смеялась и радовалась, что в Семинарии есть такие настоящие, глубоко верующие преподаватели.

Несколько раз в месяц нам показывали кино. В класс входил солидный Анатолий Петрович Горбачев и изрекал: «Фильм итальянский: «Нет мира под оливами», все должны спуститься в кинозал. Приду — проверю». И степенно уходил.

Смешно и грустно было смотреть в те минуты на нашего иеромонаха Антония (Вакарика), иеродиакона Назария (Максина) и послушника Ивана Дежко, да и остальным было несладко. Я не могу сказать, что в кино не ходил... Ходил даже и в театр, но по пути в кинозал старался свернуть куда-нибудь в сторону. Нехорошо было на душе оттого, что в Лавре у Преподобного показывают и смотрят кино. Не всегда удавалось избежать этого зрелища. В зале сидели вместе с преподавателями. Отец Назарий (Максин) сидел с низко опущенной головой и что-то шептал в свою длинную бороду. На него было жалко смотреть: в Лавру он приехал из монастыря, и вот на тебе: вместо молитвы сиди и смотри «Нет мира под оливами» или «Тахар и Зухра», где влюбляются, ревнуют и дерутся. Некоторые из зала тихонько убегали и скрывались где-то в спальнях, в коридорах, но преподаватели выдерживали до конца. Среди них были люди духовные и светские. Особенно трудно приходилось монашествующим: сидят, томятся в длинных рясах и клобуках. Ректор отец Константин Ружицкий, правда, кино смотрел с удовольствием. Чей это был указ? Сверху ли получали установку для обязательного просмотра или сами хотели показать миру, что ничто человеческое нам не чуждо? Так до сегодняшнего дня не знаю, для чего над нами проводили такие эксперименты...

Андрей Вознесенский писал о монахах: «Уткнувши носы сизые и подоткнувши рясы, // Кто смотрит телевизоры, кто просто точит лясы». Кино нас действительно заставляли смотреть, но телевизоров в кельях не было. Когда после Пимена (будущего Патриарха) заместником Лавры стал наш одноклассник Архимандрит Платон (Лобанков), то монахи увидели над его кельей телевизионную антенну. Трое из них под покровом темноты забралась наверх и свернули антенне шею. Наместник дознался, кто это сделал, и всех троих из Лавры выгнал.

* * *

По выходным дням и праздникам я мог уезжать из Семинарии домой, для чего нужно было подавать прошение на имя инспектора и указывать причину отъезда. Я как-то подошел к отцу Леониду в коридоре с прошением:

- Подпишите.
- Что тебе подписать?
- Прощение о поездке домой.
- А ты что, забыл, где ты учишься, в закрытом учебном заведении, и я тебе ничего подписывать не буду.
- Подпишите, мне так нужно.

И так я за ним шел длинными семинарскими коридорами, поднимался по этажам, его кто-то останавливал, я стоял и ждал, и все канючил: «Отпустите...» Подошел к дверям его кабинета, он достает ключ, оглядывается:

— А ты что здесь, чего тебе нужно?

Я его вначале не понял, думаю, как чего, целых полчаса за ним иду и прошу, а он как будто только что меня увидел — «Чего тебе нужно?»

- Да вот прощение.
- Ну так что?
- Вы не подписываете.
- Я?
- Ну, конечно, вы.

— Да ты что, ну-ка давай его сюда, становись спиной.

Положил прошение мне на спину и подписал.

— Складывай руки для благословения.

Я сложил, он кладет мне на ладони свою благословляющую руку, и я чувствую, что у меня в сложенных ладонях что-то остается, а он поворачивается и уходит в свой кабинет. Смотрю: тридцать рублей! В то время это были большие деньги: я стипендию получал 13 рублей, а мама уборщицей в Хамовнических казармах работала за 33 рубля в месяц.

Я переписывался с владыкой Леонидом до конца его жизни. Умер он Митрополитом Рижским и Латвийским, и пока я живу — вечный ему от меня поклон и молитва!

В Семинарии мне особенно запомнились вечерние молитвы. Все, словно ручейки, стекаются в полутемный академический храм, на амвоне — батюшка из учащихся, мы встаем на привычные места, в конце храма у стенок — преподаватели. Если приезжал Патриарх, Алексей (Симанский), то назначали очень хорошего чтеца, чаще всего Владимира Рожкова, будущего настоятеля Николо-Кузнецкого храма «Утоли моя печали». Каждый вечер кто-нибудь из слушателей Семинарии или Академии произносил проповедь, обычно очень волнующая. Очень хорошо было молиться, тихо и благодатно... Потом тихонько расходились по спальням.

У меня в Семинарии было послушание — прислуживать за богослужением. За это мне даже доплачивали. Мама часто приезжала на службы, и в будни и в праздники. В храме я просто ног под собой не чувал от счастья: в семинарском кителе, в стихаре, хожу с тарелкой, выхожу со свечей или стою пою в «десятке» (певческой группе), а сам не слышу, что пою, просто «дую» куда попало, а регент ворчит: «Перестань, лучше помол-

чи». В хоре я всегда смущался, не знал, куда себя деть от стыда, что не могу петь в тон, а петь очень хотелось.

Как-то, будучи в Москве у мамы, я зашел помолиться в Новодевичий монастырь и увидел там дьякона Василия Моисеева из Семинарии, который тут же пригласил меня в алтарь и познакомил с настоятелем отцом Николаем Никольским. Так я стал по воскресеньям и праздникам прислуживать в Успенском соборе монастыря, где служил епископ Пимен (Извеков), будущий Патриарх. Я у него стоял с посохом, а он очень сердился, если у него не вовремя подхватывали посох, можно было и нагоняй получить.

* * *

1957 год. В Москве проводится Всемирный фестиваль молодежи. Задолго до фестиваля ректор, инспектор, преподаватели и воспитатели стали собирать нас в зале и инструктировать, как вести себя во время встречи с христианской молодежью Запада, как отвечать на вопросы о положении Церкви, верующих. Советовали по возможности вовсе избегать общения, а если все-таки придется отвечать на вопросы, то говорить, что Церковь свободна, никаких гонений против христиан не было и нет, и так далее. Во время такого «натаскивания» студенты как-то не выдержали и в ответ на очередную ложь застучали ногами, засвистели и заулюлюкали. Дима Дудко что-то кричал, а я сидел рядом и старался от него не отставать. Встал бледный, с трясущимися губами ректор отец Константин Ружицкий и дрожащим голосом произнес: «Вы понимаете, чем это может кончиться, вы понимаете, что вы делаете?» Наступила гробовая тишина, вечер «натаскивания» продолжался. Такой открытый протест в Семинарии я видел впервые. Слава Богу, никого не отчислили.

В назначенный день приехали семь автобусов с иностранцами. Академическое начальство наставлял митрополит Николай (Ярушевич). В академическом саду были поставлены столики, на которых стояли бутылки с водой, лежали бутерброды, булочки, яблоки. У каждого столика стоял учащийся, которого, видимо, специально поставили, чтобы угощать гостей фруктовой водой и ложью. Меня остановили двое у Успенского Собора: «Ду ю спик англиш, шпрехен зи дойч?» Я им ответил, что я не «шпрехаю», и они отошли. Всех гостей собрали в Трапезном храме, и перед ними выступали отец Ректор и наместник монастыря архимандрит Пимен. Мы с Володи Диваковым стояли у дверей храма и слышали, как один из гостей сказал другому: «Красная пропаганда, что там слушать».

Бывали мы в те дни и в столице. А там в это время все бурлило и ликовало: участников фестиваля возили в открытых грузовиках по улицам, они протягивали нам руки и что-то радостно кричали. Я стоял в толпе на Крымском мосту и смотрел им вслед. Мост был весь облеплен людьми, некоторые забирались наверх и свисали оттуда, как гирлянды. Москвичи наконец могли посмотреть на иностранцев. Маме особенно понравились негры с их белозубыми улыбками.

* * *

В то время, в конце 50-х, начались отпадения от веры довольно многих семинаристов, священников: среди них Алексей Чертков, Павел Дарманский, Александр

Осипов, Евграф Дулуман. На каждом этаже Академии стояли мусорные ящики, и в них можно было видеть разорванные или целые пятикопеечные брошюры отрекшихся от Христа. Ничего серьезного они не предъявили в своих писульках. Да и что они могли предъявить верующему сердцу, откликнувшемуся на зов Спасителя и пришедшему учиться в Духовную школу? Ведь они-то откликнулись не на зов Спасителя Христа, а на зов Антихриста и получили по заслугам. Разве иуды были когда-либо почитаемы в народе? Печально и больно было только оттого, что они своим отречением могли смутить кого-либо из верующих. Конечно, это делалось под давлением атеистической власти. Видно, по комсомольским путевкам они пришли в Семинарию или какими-либо другими путями, одному Антихристу ведомыми. По свидетельству М.В.Шкаровского, таких отступников было около двухсот. Среди них священник П.Дарманский, которому отец Сергей Желудков написал открытое письмо со словами: «Можно потерять веру, иногда это бывает нужно по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек оплевывать и публично поносить то, что действительно было его святыней. А Вы это сделали (...) Черта заведомой безнаказанности в Вашей ругани против безмолвствующей Церкви была особенно отвратительна».

Один из отрекшихся священников Алексей Чертков пошел работать в Планетарий. Как-то он написал в местном заявлении с просьбой оказать ему материальную помощь. На заседании месткома решили выплатить ему... тридцать рублей — ровно столько, сколько получил Иуда за предательство Христа.

Ходило по рукам анонимное стихотворение «Новый Иуда», направленное против другого отступника — бывшего преподавателя Саратовской Семинарии Е.Дулумана:

Первый Иуда, предавший Христа,
Чувствовал — совесть его нечиста.
Мучился точно в кипящем котле
И успокоился только в петле.

У Дулумана иная сноровка:
Совести нет, не нужна и веревка.
Был бы лишь туго набитый карман...
Умер духовно Евграф Дулуман.

Благочинным Академического храма был священник Константин Швец, плотный кругленький батюшка, к которому я часто подходил под благословение. Как-то после окончания Семинарии я подошел в Москве к стенду с «Комсомольской правдой» и увидел большую статью за его подписью «Почему я порвал с религией». Запомнились строки: «Все причащаются из одной чаши, могут заразиться». Прочитал и подумал: какой у тебя всегда был упитанный, цветущий вид после многих лет причащения, а, будучи дьяконом, ты не только причащался, но и потреблял оставшиеся в Чаше святые Дары. И Господь дал тебе отменное здоровье, никакая зараза

Священник Вячеслав Винников по окончании
Московской Духовной Семинарии

к тебе не приставала, а теперь уж ты точно заразился... неверием, и сколько с этой заразой проживешь — неизвестно.

Отрекся от Бога и профессор Петербургской (тогда, прости Господи, Ленинградской) Академии Осипов: он и по телевидению выступил, и в газетах, и книжонки выпускал. Мы пошли за разъяснением к преподавателю сектоведения, профессору отцу Иоанну Козлову, который знал Осипова по Академии. Он нам рассказал, что до войны Осипов жил в Эстонии и пописывал антисоветские статейки. Позднее во время кампании по отречению от Бога его вызвали в органы и напомнили о «темном» прошлом, пригрозив, что если он публично не отречется от Бога, то его посадят в тюрьму за антисоветскую деятельность. Он сделал свой выбор. Но безбожники здесь просчитались: мало кто из атеистов с уважением относился к отступникам. «Неверующие, — писал отец Сергей Желудков, — осудят эту пропаганду подлости, с которой вы выступили от имени атеизма».

Мне дороги те, кто сегодня учится в Семинарии, и я хочу, чтобы они помнили, что по этим коридорам ходили мальчишки, прошедшие через огонь и воду атеизма, выстоявшие, победившие в неравной борьбе и ставшие священниками. Нужно, чтобы ниточка из тех времен тянулась, не прерывалась и трогала сердце тех, кто сегодня пришел в Лавру. Связь должна быть, — мы ведь «малое стадо», и с нами Христос!

Мавританские зарисовки

Заранее прошу прощения у читателя за излишнюю впечатлительность в личном опыте соприкосновения с мусульманским миром в Мавритании. В этой жаркой стране северо-западной Африки, где всего несколько раз в году льют дожди, мне довелось работать старшим референтом в российском посольстве. Вот краткие наблюдения того периода.

МАВРЫ, МАВРИТАНЦЫ И МАВРИТАНИЯ

При рассказе о местном народе сразу нужно уточнение: по общепринятому мнению, «маврами» по-латински европейцы называли издревле мусульман, завоевателей Иберийского полуострова, живших в регионе Магриба (Алжир, Тунис, Марокко). В новое время «маврами» именуют всех мусульман Северной и Западной Африки, включая вошедшую позже в Магриб Мавританию. По версии французского исследователя Жака Менье, название с корнем «мавр» носило в античное время финикийское племя. Современное обобщающее именование жителей страны «мавританцы» пошло от французских колонизаторов, назвавших в конце XIX века подведомственную их управлению территорию на латинский манер — «Мавритания». Очерченная французами колония оказалась одной из самых крупных стран в Африке по площади (более одного миллиона квадратных километров) и одной из

самых малонаселенных (три человека на квадратный километр). С одной стороны, милость Божия к этой стране видна в том, что здесь — одно из самых рыбных мест в мире, семь голов скота на одного жителя (высокий для Африки показатель), есть богатейшие запасы железной и медной руды, гипса, фосфоритов, цинка, вольфрама, фосфатов, урана и других минералов, протекает пресноводная река Сенегал. Прибавим к этому редкую в мире по числу видов миграционную зону птиц (Аргенская банка), финиковые оазисы, 254 солнечных дня в году... С другой стороны, ее правители так и не решили проблему преодоления крайней нищеты: около 80 % жителей живут менее чем на 100 американских долларов в год, 40 % детей хронически недоедают. Показатель смертности рожениц и детей — один из самых высоких в мире, а средняя продолжительность жизни у мужчин не достигает и пятидесяти лет. Грозным предостережением для властей служат надвигающиеся с востока со скоростью

шесть километров в год сахарские пески, которые могут засыпать оставшиеся несколько процентов плодородной территории.

Период складывания мавританской общности насчитывает более чем двадцать столетий. К числу ее представителей относят финикийские племена, которые через территорию нынешней Мавритании начали проделывать транссахельский торговый путь, связывающий Западную Африку и Средиземноморье. После их завоевания персами, а затем римскими армиями Александра Македонского финикийцы потеряли влияние в этом регионе, коренными жителями которого были кочевники-берберы, живущие скотоводством по сей день (сегодня их осталось около 80 тысяч, и это число постепенно сокращается). Естественной «кочевой» чертой берберов было стремление к освоению новых земель для скота и подчинению силой проживающих там негритянских племен. Начиная с V века, смуглые берберы стали именоваться «белыми» (аль-бейдан) в отличие от «черных» африканцев (аль-судан), которых обкладывали данью и брали в рабство. Во второй половине VII века ислам проникает на север страны, где находит сочувствие у объединенного берберского племени «санхаджа», которое объявляет «джихад» всем «неверным» (в частности, не примкнувшему к исламу берберскому племени «зенага»). Воспользовавшись в конце X века победой вожака империи Альморавидов Абу Бакар Ибн Омара над «неверными» берберами, «санхаджа» становится главной политической силой в стране, подчиняясь в последующем властям империи Мали (XIII—XIV вв.), а с XV века — поочередно — португальцам, голландцам и французам. 28 ноября 1960 года по инициативе президента Франции генерала Шарля Де Голля была провозглашена «независимая» Исламская Республика Мавритания (ИРМ). Моктар Ульд Дада из знатного племени законоучителей уляд барри, избранный первым ее президентом, в палатке транзитного селения Нуакшот (с араб. «место, где дуют ветра» или «верблюжий перевал») решил на совете с советниками-родственниками

и сотоварищами основать здесь столицу, расположенную между «белым» севером и «черным» югом. Хотя по скопированной у Франции Конституции ИРМ все ее жители являются свободными в гражданском смысле «мавританцами», как, например, в России «россияне», но уклад жизни со времен Омара мало чем изменился. Несмотря на отмену рабства в 1980-м году, оно существует по-прежнему: бывшие рабы-негры продолжают работать у хозяина-бербера за хлеб, кров и небольшую плату, арабы-берберы (65 % населения) занимают все руководящие должности, а негры (35 %) выполняют всю физическую работу, имея нескольких политических представителей в Парламенте, в армии и полиции служат потомки «хасанов», своим традиционным ремеслом — торговлей — заправляют «белые», они же формируют национальную гражданскую идеологию, издают законы и ведают судебным делом. В последнее время такое неравенство приводило к митингам и выступлениям «черных» мавританцев, которые власти жестко прерывали, используя многочисленный состав полиции, жандармерии, армии и президентской гвардии. Таким образом, видно, что сегодня «мавританец» — это и иммигрировавший араб, и смешанный с ним бербер-кочевник, и чистый бербер, и смешанный с бербером негр, и чистый негр, недовольный своим вековым социальным неравенством, сохранившимся и в условиях местной «демократии».

«ЧИСТЫЕ» МУСУЛЬМАНЕ

Мавритания (столица — Нуакшот) — страна, где 99 % населения официально считают себя мусульманами-суннитами (с араб. сунна — путь, пример, образец), а в частной беседе часто называют себя «чистыми» или «мирными» по вере мусульманами в отличие от шиитов, ваххабитов и всех других течений ислама, поощряющих самые агрессивные формы религиозного фанатизма. За один год из нескольких сотен встретившихся мне людей некоторые делились своей искренней верой в

Аллаха как в Бога-Отца, Вседержителя, Всесильного, Всеведующего в христианском понимании («великого, всемилостливого и всемогущего»), осмысленно и в тоже время в трепетно-ревностном духе разъясняли положения вероучения. Один из них — начальник отдела банка «Барака» (с араб. «барака» — «благодарить»), получил образование в СССР; другой — седобородый дедушка-продавец из хлебной лавки, перебирающий четки и часто ночующий со своими друзьями-простецами в лавке на песчаном полу, третий — приходящий к нему вечерами на беседы о вере бедный, но довольствующийся тем, что есть, горожанин. Большинство же жителей Нуакшота были погружены в житейскую суету, исповедуя веру лишь часто упоминающейся в беседе фразой «Слава Богу!» («Аль хам де ле ля!») или излагали идею детерминизма о Боге, что Он заранее определил судьбу и число дней и путь жизни каждого человека на земле. Исламская вера в быту проявляется порой самым различным образом. Так, один «белый» мавританец прошел за мной с километр, уговаривая купить трубку для курения ручной работы с заношенным чехлом, при этом призывая имя Аллаха в доказательство ценности и красоты этого изделия. К счастью, женщина-арабка на рынке отсоветовала покупать трубку, зная истинную ей цену. Продавец же трубки, услышав это, разгневался на бедную женщину и чуть было не поколотил ее. Был и такой случай: торговец, воодушевившись вниманием белых европейцев к товару, неожиданно согласился на самую низкую цену, лишь бы белый посетитель не ушел без покупки и не забыл его щедрость. Упование его было на Аллаха, который не оставит в банкротях бескорыстного продавца. Чаще всего были случаи, когда иностранцев обсчитывали в магазинах, считая это вполне справедливым по причине материальной состоятельности покупателей. По их мнению, это своего рода «высчитанная» милостыня.

Лишь несколько раз мне пришлось столкнуться с проявлением нескрываемой вражды, замешанной на исламской вере. Так, на рынке боро-

даты старичок, проходя мимо меня, общающегося с местными отроками, узнав, что я не мусульманин, стал потряхивать своим посохом и грозно восклицать на арабском, что мы, «неверные», — такие-сякие. В другой раз состоятельный предприниматель упрекал русских в моем лице за ведение войны против их единоверных «братьев-чеченцев» и не желал слушать ничего о беззакониях «братьев». Иногда в магазине мавританцы при встрече упоминали о чеченском Грозном, давая понять, что этот вопрос их волнует и требует разъяснения. Арабское радио, как и западные СМИ, представляли операцию против чеченских наемников как войну «неверных» против мусульман. Но многие мавританцы в конце концов признавали, что раз чеченцы воюют за деньги, торгуют людьми и жестоко мучают и убивают попавших в плен, то они не мусульмане, а наемные бандиты.

«Чистоту» и «мирность» своей веры мавританцы связывают также с пустынным ландшафтом (более 90 % территории страны — пески), что, наряду с панорамой безбрежного Атлантического океана располагает к созерцанию, смирению в самопознании и богообщению. Наиболее ревностные молитвенники обычно удалялись в уединенные места сахарской пустыни, образуя там со временем братства, вера которых могла не сходиться с общепринятой в силу разного духовного опыта. По моим наблюдениям, негритянское население, в виду длительного социального неравенства, не расположено к ревностному служению Аллаху и держится своих традиционных верований, склоняясь также к христианскому вероучению, преподаваемому католиками. Может быть, боясь социального раскола на религиозной почве между «черными» и «белыми» мавританцами, местные власти, как и во многих арабских странах, строго ограничивают деятельность христианской миссии среди городского населения и не допускают никакого инородного сектанства в стране. Обратив мусульманина в иную веру считается гражданским преступлением и наказывается по местным законам и обычаям. В отличие от

крайне консервативных исламских государств в Мавритании допускаются ввоз христианской духовной литературы и Библии и проповедь среди немусульман.

РУССКИЕ В МАВРИТАНИИ

Заканчивая вузы в СССР, многие мавританцы возвращались домой с русскими женами, которые на новом месте по-разному смогли принять новый — мусульманский — быт. Одни с удивительным смирением ради душевного мира в семье приняли основные догматы ислама. Мария, бывшая жительница Санкт-Петербурга, имеющая высшее филологическое образование, ныне тихая и незаметная мать троих детей, признавалась мне, что благодать Божия, исходившая от Владыки Ионна Петербургского и Ладожского, посещает и здесь моментами ее сердце во время молитвы и почивает на особо благочестивых мусульманах. Такие случаи — большая редкость. В основном, русские женщины принимают ислам внешне, а домострой устраивают по-русски, принимая, как это часто бывает и в России, бремя лидера на себя. Иногда дело доходит до борьбы за крещение детей в православной вере, так как и русские мамы и их русско-мавританские дети чувствуют благодатность православия после посещения храмов в России. Со стороны мужа — известное противление родственников и сограждан. Русско-мавританские (точнее, русско-негритянские и русско-берберские) дети являют собой дивное чудо: смуглая кожа, арабское одеяние, светлые ясные глаза, послушание и застенчивость, арабская степенность, но живой искренний интерес и совсем не арабская непосредственность и открытость в общении, в чем заметна жажда познания русской и далекой, и близкой духовной культуры. По всему было видно, что к России и русскому души этих детей тянутся больше, чем к арабскому. В одной русско-негритянской семье, где царил между супругами дух мира и уважения, супруг, идя по пути угождения христианке-жене, с большим сочувствием стал от-

носиться к русской культуре и православию.

Русские моряки, работающие здесь на рыболовецких судах у мавританских хозяев, проходят в связи с этим настоящее испытание на душевную прочность. Доверяя обещаниям мавританцев о высокой зарплате в конце года после реализации улова, они честно и добросовестно трудятся круглый год, а затем, сойдя на берег, ждут месяцами обещанные деньги под палящим 30-градусным солнцем и, не вытерпев такого мятарства, отправляются домой за счет мавританской стороны. Некоторые терпят до конца и получают значительно урезанную зарплату у хозяина, который критикует их работу, чтобы снизить ей цену. На самом деле, предприимчивые мавританцы чутко улавливают суть происходящего в России и, зная о ее политико-экономическом ослаблении, идут против совести в отношении русских, используя в добавок ко всему лицемерную формулу о допустимости такого обращения с «неверными».

Бывало, что мавританские хозяева шли на другой обман: предлагали русским вместо зарплаты отремонтировать какое-нибудь суденышко и самостоятельно использовать его на правах аренды для ловли и продажи рыбы. После ремонта, согласно контракту, русская сторона должна нести все расходы по функционированию судна и обеспечению питанием экипажа. Деньги же на горючее и питание мавританцы не давали, и русские оставались ни с чем. В добавление к этому, за стоянку судна тоже требовалась оплата, а штрафы местная полиция с ведома судовладельца сразу предъявила немалые. И вот так русские попадали в долговую ловушку и в буквальном смысле убежали с помощью посольства домой.

Самая вопиющая форма греха не любви к ближнему выявилась в случае с заболевшим сильным воспалением легких русским моряком. Он был направлен своим хозяином, мавританским судовладельцем, в частную больницу и был «забыт», так что, не получая питания, оказался на грани гибели, и только старания посольства, христианская вера моряка (был из казаков) и милость

Божия спасли его жизнь. Мне также пришлось испытать двойственное отношение к себе, как к иностранцу, когда после наезда сзади на предоставленный мне служебный автомобиль мавританец-араб из знатного рода (судя по его автомобилю и одеянию) не стал дожидаться дорожной полиции, как мы условились, а, улучив момент, умчался с места происшествия. В другой раз «белый» мавританец, врезавшись в мою машину, сильно помял ее, но платить сразу ущерб наотрез отказался и был поддержан собравшейся вмиг толпой. Однако какой-то мудрый единоведец подсказал ему, что плата за полицейскую экспертизу ляжет на его плечи. После этого мавританец сменил решительный отказ на снисхождение до небольшой суммы, которой явно было недостаточно для восстановления ущерба.

Здесь не раз приходилось удивляться стойкости, терпению и смирению русских. Господь вразумлял «заблудших в страну далече», и они раскаивались в своей погоне за деньгами, радовались вседушевно возвращению домой и еще больше проникались любовью к Родине и всему с ней связанному — вере, культуре, простоте и чистосердечию народа. Часто приходилось слышать признание «потерпевших»: «Больше я за границу ни за какие деньги не поеду!..» Был случай, когда из-за чрезмерно долгого ожидания зарплаты и развившегося пристрастия к алкоголю русский моряк умер, и мы, посольские, хоронили его на местном католическом кладбище, где год назад похоронили русского представителя Госкомрыболовства, умершего от СПИДа. Печальнее участь для русского человека трудно себе представить: в недоступной для родственников дали, среди унылых и чужих песков, в полном забвении — одинокая могила...

О ВОСПРИЯТИИ МУСУЛЬМАНАМИ ПРАВОСЛАВИЯ

В беседе с верующими мавританцами выявлялось следующее:

1. Господь Иисус Христос признается мусульманами уважительно как пророк наряду с Моисеем, Исаией и другими ветхозаветными пророками. Почитаемый мусульманами Мухаммед, основатель ислама, по их мнению, является последним (годы жизни — 570–632) из известных пророков и поэтому важнее их всех.

2. Женщины-мусульманки часто признают, что справедливее быть единственной любимой женой мужа, как в православии, или как в случае Мухаммеда и его жены Хадиджи. При этом сама жизнь свидетельствует о том, что жена уходит от мужа или муж оставляет жену, невзирая на сдерживающие запреты Корана и имамов. Рост числа разводов в стране достиг, по официальным данным, 30 %, что является характерным сегодня для многих арабских стран. Женщине-мусульманке строго-настроено запрещается принимать иную веру при замужестве, но не раз случайный простосердечный родитель при первом же разговоре со мной как бы между делом предлагал в жены свою дочь, соглашаясь с разъясненной ему перспективой перехода ее дочери в Православие и на жизнь ее в холодной далекой Сибири. «Лишь бы жила обеспеченно», — ратовал он, подразумевая мою дипломатическую должность.

3. О Страшном Суде мусульмане, как и нецерковные русские люди, привыкли не думать («примешь ислам — пойдешь в рай», — сразу подчеркивают местные женщины, давая понять одновременно, что ад — для «неверных»), но соглашаются, что участь человека зависит от Бога. Понятие о спасении души и нападении дьявола (араб. «шайтан») есть, а как бороться с «шайтаном», немощному человеку не разъясняется, как не разъясняются и способы борьбы с грехом и страстями в виду отсутствия четкого представления о последних двух понятиях. Три раза в посольство прибегал одержимый нечистым духом человек, прося отправить его в Россию, потому что братья-мусульмане угрожают ему расправой за его странное и порой безумное поведение.

4. Милостыня (садака), как и угощение бедных родственников обедом или ужином по родственной круговой поруке, имеет характер обрядовой традиции и этим ограничивается. Так, пообещав бедному родственнику небольшую плату за помощь в отделке и уборке выстроенного дома, богатая хозяйка гневно возмущалась, когда по его просьбе я попросил ее по-человечески сдержат слово. Хрупкий и немощный на вид мавританец, не имея к кому обратиться, в поисках защиты от обмана пришел пожаловаться в соседствующее российское посольство, где застал меня. По всем дипломатическим правилам оказать помощь, конечно, было недопустимо и грозило взысканием, но Бог миловал, и хозяйка, признав в конце концов, что она поступила «не по-мусульмански», обещала при всех слушающих заплатить бедняку. Крайне редко можно было наблюдать богатого мусульманина, который, направляясь из магазина к своему джипу, дал бы небольшую сумму одному из толпы нищих. Как правило, щедры на милостыню в Мавритании иностранцы. В столице проводят благотворительную деятельность несколько представительств ООН, Красный Крест, римско-католическая церковь, которая помогает в рамках медицины и просвещения католикам-сенегальцам и местным негроидным племенам, принявшим католицизм. На берегу реки Сенегал католические монахини основали небольшой уединенный скит, где возделывают собственный огород и поддерживают связь между миссиями в Мавритании и Сенегале. Сегодня там трудятся более десяти сестер и послушниц из Франции, Польши, Испании и Австрии. А вот об отсутствии небольшой православной часовни или церкви для русских летчиков, моряков, домохозяек можно было только поскорбеть вместе со всеми русскими. В соседнем Алжире, Марокко, Тунисе есть православные храмы, а тут нет ни одного при столь острой нужде в духовной помощи русскоязычным, коих общее число в Нуакшоте превышает обычно сто человек, не считая тех, кто работает в городе Нуадибу.

Эти краткие заметки нельзя не закончить еще двумя эпизодами. Молящиеся открыто и много (на перекрестках в буквальном смысле), постящиеся в Рамадан с унылыми лицами и любящие возлежания на собраниях, — арабы сразу напомнили образы из слов Спасителя о вере фарисеев и книжников, однако так живут в основном коммерсанты или богатые. Простолюдины же с искренним интересом готовы слушать слово о Боге и свободной воле человека, грехе и Страшном Суде, России. «Э...э... из тебя бы получился настоящий мусульманин!», — признался, озаряясь широкой улыбкой, дед-продавец, подметивший мою горячность в разъяснении основных понятий православной веры. «Ана ортодокс!» («Я православный!») — напоминаю ему. «...Ма салям!» («С миром!») — как обычно, при прощании пожелал он, явственно передавая мысль: все мы пред Богом ходим, нам бы только в мире жить.

...Через полтора года после возвращения из Мавритании Господь сподобил меня встретиться в лаврском храме святого пророка Иоанна Предтечи с маленькой смуглой девочкой, похожей на берберку, тихо стоявшей на исповедь к православному священнику вместе со своей белокурой русской бабушкой. Какое-то интуитивное чувство заставило меня обратиться к ним и спросить бабушку, не из Мавритании ли девочка. Бабушка тут же подтвердила мою догадку, рассказав, что мама у девочки русская и ее уже нет в живых, а папа-мавританец уехал домой из-за трудностей с работой в России. Девочку теперь растит и воспитывает в православной вере бабушка. Так что маленькая Фата, в отличие от своих сверстников на родине, уже исповедует свои грехи и молится Спасителю, Божией Матери и святым в нелегкой своей жизни. Как и бабушка, все упование восьмилетняя Фата возложила на Бога, и по всему было видно, что обе они не оставлены Его помощью и любовью. Поистине чудны дела Твои, Господи! И мавританка познает Православие через Твои не-исповедимые пути.

РУССКИЙ ДАНТ

АД И РАЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

У Данте было смуглое лицо, и когда он шел по улице Вероны, люди указывали на него и говорили: «Посмотрите, его лицо обожжено адским пламенем, оно почернело от адского огня. Это тот самый Данте, что спускался в ад и приносил оттуда вести!»

Нисхождение в ад или ад — древний мистический сюжет. Ад в древнегреческой мифологии — владыка царства мертвых и само его царство. На всю Грецию был единственный храм Аида, который открывался один раз в год, поскольку люди только раз спускаются в царство мертвых. В тот единственный день в году в храм аида разрешалось входить только священникам. Лишь избранные могли спускаться в ад: гений Орфей пытался вывести оттуда Эвридику, а герой Одиссей стремился вынести из земли тень тайну спасения Итаки. Орфей сладкозвучный терпит неудачу: его история говорит о том, что человек в языческом мире умирает безвозвратно. Одиссей хитроумный достигает цели: он встречает Тиресию, оракула Аполлона, который открывает ему «способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть». Одиссей, в отличие от Орфея, спускается в ад не за людьми, а за тайным знанием — за мудростью, которая просветила бы его на пути домой. Так в древнегреческой мифологии в ад входят священник, гений и герой: дух, талант и мужество человека.

Цель их путешествия в пределы аида — служение богу, спасение человека и возвращение Родины.

В христианстве Сам Бог спускается в ад, и делает это сразу после Своей Крестной смерти. Он считает это первейшим делом спасения. Иисус Христос впервые выводит людей из страны мертвых и дарует им вновь обретенную Родину человечества — рай, где они отныне обретают блаженство. Три мифологических мотива в сюжете о нисхождении в ад — служение богу, спасение человека и обретение родины — получают новое триумфальное завершение: Бог Сын осуществляет волю Бога Отца, спасает человечество, выводит из ада праведников и возвращает им небесную Родину.

* * *

Сюжет о нисхождении в ад лежит в основе художественного мира Достоевского. Он и есть тот избранный гений — русский Орфей — который спускается в царство мертвых, чтобы вывести оттуда любимого человека (для Достоевского — человека как такового). Он и есть тот избранный герой — русский Одиссей — который мечтает о возвращении русским их духовной Родины — «всечеловечной и всесоединяющей» во Христе. Он — русский Дант,

который провел нас по кругам душевного ада и чистилища, дабы мы поднялись к райским кущам и повтори́ли с верой за ним: «Буди, буди!».

Данте, как человек, спускавшийся в ад, вызывал уважение, страх и отвращение. ореол уважения и отвращения окружал и имя Достоевского. «Певец версильщины и свидригайловщины», «безумец, пишущий о безумцах», он был Дантом, приносящим вести из ада души. Он широко открыл дверь и пригласил всех спуститься с ним во мрак, где царят пороки и преступления. Охотников следовать за Достоевским, несмотря на мировое признание его гения, немного. Многие ли из нас признаются, что с любовью и желанием протягивают руку во тому Достоевского? Бердяев делил человечество «на людей Достоевского и людей, чуждых его духу». Страхов делил читателей «Преступления и наказания» на людей со здоровыми и слабыми нервами. «Охотники до чтения», писал он, жаловались «на тяжелое впечатление, от которого люди со здоровыми нервами почти заболели, а люди со слабыми нервами принуждены были оставлять чтение»¹.

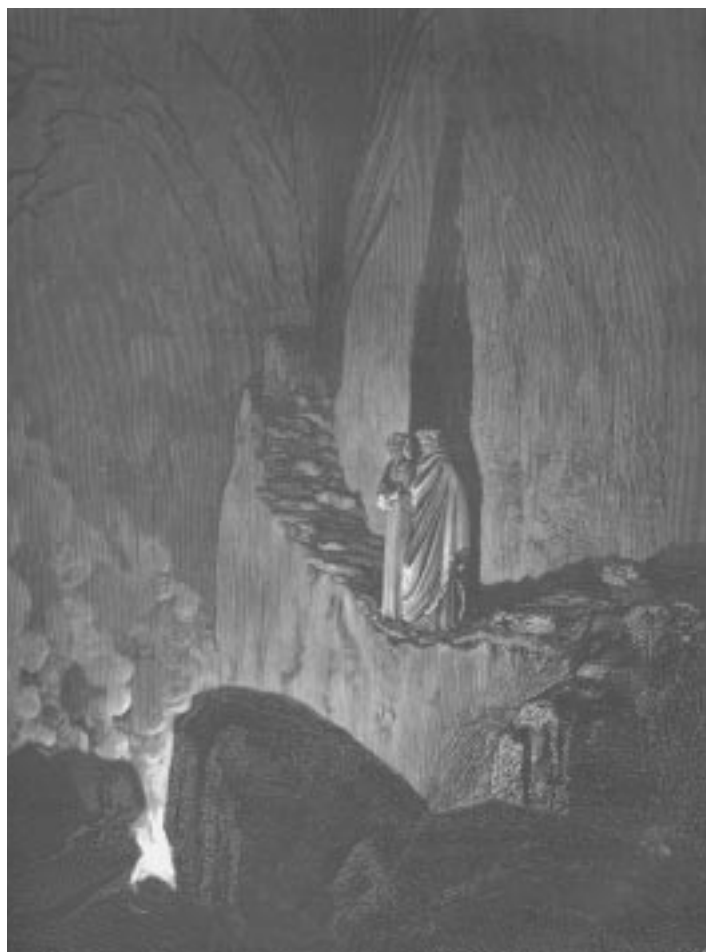
В наше время водораздел пройдет между читающими Достоевского и избегающими его. Можно понять «избегающих», так как читать Достоевского

трудно и страшно. Открыть его книгу порой так же непросто, как открыть дверь в комнату, где лежит тяжело больной человек. Сегодня Достоевский — желанное чтение для избранного круга читателей, для большинства же его книги входят в круг чтения должного. И в этом долженствовании — в том, что каждый образованный современный человек должен в той или иной степени пройти путем Достоевского — большое сокровище нашей культуры. Открывая дверь в «дом Достоевского», мы, образно говоря, оказываемся перед лестницей, ведущей вниз, по которой должны подняться ввысь.

Мы не находим у Достоевского материальной детализированной картины ада и потусторонних кар, которыми изобиловали античные сказания, средневековые апокрифы и «Божественная комедия» Данте. Великий флорентиец во многом обобщил и детализировал то материально-чувственное представление об аде, согласно которому род наказания соответствует роду преступления и в котором царит строгий закон воздаяния, более напоминающий ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб», чем новозаветный дух прощения и любви. Материальная детализация в целом не характерна для Достоевского. Предметный мир скупко представлен в его произведениях: лаконичен как пейзаж, так и портретные характеристики. Мир переносится внутрь сознания и там разворачивает свою духовную вертикаль: ад, чистилище или мытарства, и — рай.

Достоевский, «отправляясь» впервые в странствие по «подполью» жизни, иронизирует над самим собой, опережая замечания критиков. Эпиграфом к своему первому роману «Бедные люди» он выбирает слова князя В.Ф.Одоевского: «Ох уж мне эти сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!»².

«Подноготную, вырытую в земле» Достоевским, можно условно разделить на три круга. Первый круг — это самая наша, как писал Достоевский, «адская жизнь», те тяжелые условия и страдания, которыми она наполнена, в широком христианском смысле — это мир, лежащий во зле. «Мне кажется, — пишет 27-летний Федор Михайлович брату, — мир принял значение отрицательное».³ Развернутой метафорой первого круга стал Петербург Достоевского, скученная и беспроблемная жизнь которого напоминает дантовскую картину из четырнадцатой песни «Ада»:

Гравюры Гюстава Доре

¹ Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

² Достоевский Ф.М. Бедные люди // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 13.

³ Достоевский Ф.М. Письмо М.М.Достоевскому от 9 августа 1938 г. // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Л., 1985. С. 50.

Я видел толпы голых душ в пустыне
Все плакали в терзанье вековом,
Но разной обреченные судьбине.

Кто был повержен навзничь, вверх лицом,
Кто, съежившись, сидел на почве пыльной,
А кто сновал без усталости кругом.¹

(Перевод М.Лозинского)

Похожим по состоянию увидел Петербург Макара Девушкин: «Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными уныние наводящими лицами, пьяные мужики (...), какой-нибудь слесарный ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченном масле. На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками да с гнилыми яблоками, и все такие грязные, мокрые бабы. Скучно по Фотанке гулять! Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые, под ногами туман, над головой тоже туман»². Скученность и страдания, уродство и уныние, характерные для ада Данте и Достоевского, выписаны в традиционной inferнальной символике огня и воды. В «Преступления и наказания» inferнальная атмосфера усугубится тяжелыми запахами «особенной летней» «нестерпимой» вони.

Второй круг ада у Достоевского располагается в плоти и сердце человеческом, где бурлят страсти. Если в первом круге — скученность, нищета, уродство, нестерпимая жара и вонь, то во втором — все в движении, кипит и клокочет. Здесь вовсе «не скучно гулять», наоборот, часто бывает весело, но веселье, в которое погружаются, к примеру, Митя Карамазов или Рогожин, замешено на отчаянии. Во втором круге царит хаос и буря. «Насекомым — сладострастье!» — в исповеди-вызове кричит Митя, — «это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладострастье буря, больше бури!»³ Символом «второго круга» Митя называет ядовитую фалангу. Сладострастье — это хищное и ядовитое существо, которое «жалит» и тем самым оскверняет невинность. Галерея сладострастников у Достоевского выразительно отвратительна, образ искусителя вырастает в губителя чистой девы: барин и девочка на бульваре, Свидригайлов и Дуняша, Свидригайлов и его юная невеста, Федор Павлович Карамазов и целый ряд жертв, Ставрогин и Матреша... Список можно продолжать и продолжать... Второй круг — это царство эроса и отчаяния, грозящего смертью. Алеша, после исповеди Мити, которая и провела их по второму кругу ада, кричит брату: «Митя, ты несчастен, да! Но все же не

Христос и Инквизитор. Иллюстрация Ильи Глазунова

столько, сколько ты думаешь — не убивай себя отчаянием, не убивай!»⁴

Третий круг ада — самый глубокий у Достоевского. Он включает в себя сферу оправдания зла, которая располагается в разуме человека. Среди апологий зла теории Раскольникова, Ивана Карамазова, Николая Ставрогина, Инквизитора. В третьем круге «Премудрого змия» (так называется одна из глав в романе «Бесы») люди прямо встречаются с темными силами преисподней: нечистый нашептывает циничные мысли на ухо Раскольникову и прямо является Ивану Карамазову, бесы водят по кругу «поджигателей-революционеров». В «Повести об Инквизиторе», похоже, сам владыка ада является в роли лже-спасителя, антихриста.

В «Бесах» прозревший перед смертью Степан Трофимович Верховенский, потрясенный чтением отрывка из Евангелия об исцелении бесноватого, восклицает: «Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! Qui, cette Russie, qui j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... et la autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»⁵

¹ Данте А. Божественная комедия: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 119.

² Достоевский Ф.М. Бедные люди // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. С. 85.

³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 100.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 499.

Третий круг — это мир-перевертыш: для того, чтобы возвыситься в нем, нужно как можно ниже упасть: для того чтобы «подняться» над «тварями дрожащими» — нужно пролить человеческую кровь. В третьем круге ада нет понятия о грехе. Грех становится добродетелью. «Знаешь ли ты, что пройдут века, — говорит Инквизитор Иисусу Христу, — и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха»¹. Символами этого уровня у Достоевского становятся топор и кровь.

Поскольку зло находит оправдание в мудрованиях разума, то в третьем круге ада очень много слов: много и путанно, вслух и про себя, говорят Раскольников, Дмитрий и Иван Карамазовы, бесконечные разговоры ведутся в «Бесах». Ложь многословна — истина безмолвна.

Перед тем как приступить к «Повести об Инквизиторе» Иван предупреждает Алешу, что Иисус Христос в его поэме ничего не говорит, только «показывается и проходит». После многословной речи, когда «Инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник ему ответит. Ему тяжело Его молчание. Он видел, что узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать...»². А затем «он вдруг приб-

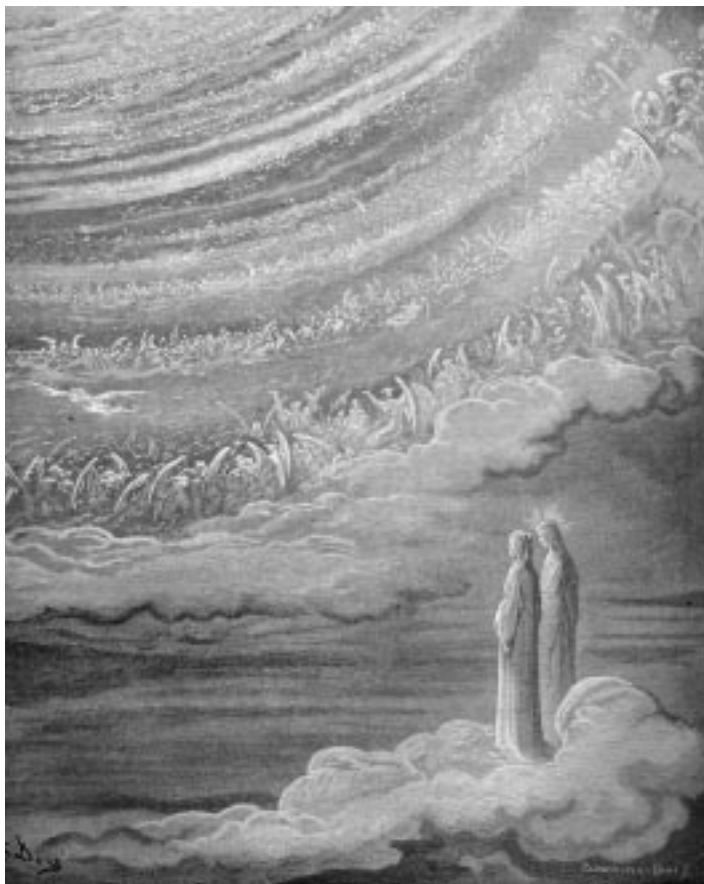
лижается к старику и тихо целует его в его бескров-ные девяностолетние уста»³. Бескровные старые уста — метафора мертвенности тех, кто живет в стране теней и мертвых душ.

Райское тихое состояние души Спасителя позволяет ему глазами, полными любви, увидеть образ Божий в Инквизиторе под спудом лжи и ненависти. Иначе кого он целует в бескровные уста, как не любимое, но заблудившееся чадо? Способностью видеть светлое в человеке под спудом темных греховных наслоений обладают Макар Деушкин и князь Мышкин, Соня Мармеладова, Алеша Карамазов и старец Зосима. Князь Мышкин сразу видит *Imago Dei* в Настасье Филипповне и чистым взглядом своим, полным любви, «выводит» ее из ада жизни. «Вы страдали, — говорит он ей, — и из такого ада чистая вышла». Настасья Филипповна, в глазах князя, «вышла из ада» через чистилище страданий. Этот «выход» совершился в душе и любви князя и заставил Настасью Филипповну с ужасом взглянуть на недавно привычный для нее «ад».

Достоевский особенно любил икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость», название которой можно рассматривать как метафору пути в рай (к радости) через скорби, в которой заложена христианская концепция жизни как крестного пути — через страдания к блаженству, через скорби — к радости.

Князь Мышкин способен видеть образ Божий не только в людях, но и во всем окружающем его мире. При этом он боится говорить о красоте мира (многословие у Достоевского маркировано как отрицательная черта). «Слушайте! Я знаю, что говорить нехорошо: лучше просто пример. О, что такое мое горе и беда, если я в силах быть счастливым. Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божью зарю, посмотрите на травку как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и любят...»⁴ Так, видимо, смотрят глаза Христа на Инквизитора, «даже самого потерявшегося человека», и под любящим взглядом Спасителя что-то изменяется в душе Инквизитора, он в конце концов тоже оказывается способным увидеть Христа... и отпускает Его на «темные стогна града».

Рай, небесный мир, открывается героям Достоевского как видение, откровение. А.Б.Криницын в замечательном глубоком исследовании «Исповедь подпольного человека» посвящает отдельную главу «специфике визуального мира Достоевского и семантике «видений», где в частности обращается к «Петербургским сновидениям», в которых повествователь

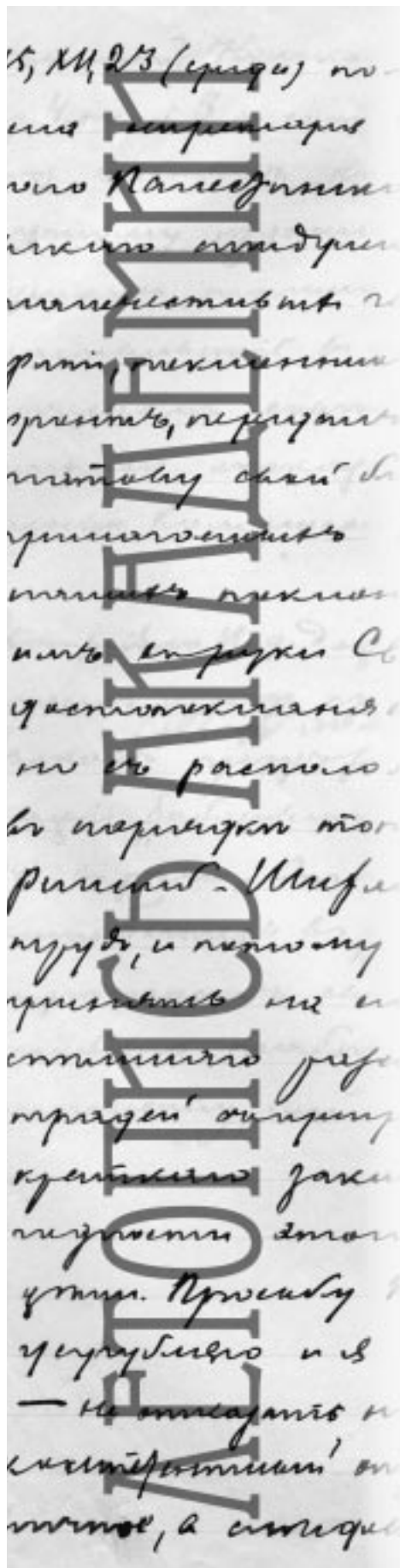

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14 Л., 1976. С. 230.

² Там же. С. 239.

³ Там же.

⁴ Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. Л., 1973. С.65.

14 мая 2002 года в Московской Духовной Академии состоялась презентация третьего алфавитного тома «Православной энциклопедии». На открытии торжественного заседания Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отметил огромную важность этого издания в целях соединения православного мировоззрения с последними достижениями гуманитарной науки и естественных знаний. Святейший Патриарх указал также на то, что издаваемая энциклопедия в этом году получила статус учебного пособия – как для студентов семинарии, так и студентов светских учебных заведений, специализирующихся в области истории, искусствоведения и теологии.

Особо отметил Святейший Патриарх труды профессоров и преподавателей МДА в работе над изданием и в связи этим удостоил их высоких церковных наград.

Также были вручены награды членам Попечительского Совета энциклопедии и светским специалистам, потрудившимся над созданием очередного тома Энциклопедии. Развивающееся сотрудничество Церкви и государственных образовательных учреждений, хочется надеяться, принесет еще немало интересных идей и проектов.

19 сентября в Большом актовом зале МДА состоялся концерт народного ансамбля русской песни «Россичи» под художественном руководством Наталии Степанищевой. Коллектив приехал из Воронежской области специально для того, чтобы выступить перед студентами Духовных школ. В программе были исполнены русские народные песни и танцы. Что значила эта поездка для «Россичей», видно из стихотворения одного из участников ансамбля Александра Молчанова, которое родилось прямо по дороге в Лавру.

Мир, где место есть для счастья,
Где Божий Дух витает в снах,
Где в радость даже миг ненастья
И церкви в солнечных лучах.

Где радость звоном колокольным
На всю Россию прозвенит,
Когда мы город ваш престольный
Приедем песней одарить.

Теперь с тем миром мы едины,
Теперь частичка мы его,
С ним вместе мы непобедимы
И дружба с ним важней всего.

Ансамбль был принят очень тепло и радушно, так как репертуар был всем близок по духу.

14 октября Московские Духовные школы торжественно встретили престольный праздник академического храма – Покров Пресвятой Богородицы.

Праздничный день начался Божественной литургией. Ее совершил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в сослужении с архиепископом Верейским Евгением, Председателем Учебного комитета Русской Православной Церкви, ректором академии и семинарии, епископом Сергиево-Посадским Феогностом, заместителем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, и академическим духовенством.

В 13 часов был начат праздничный акт. После его открытия ректором архиепископом Верейским Евгением проректор по учебной работе профессор М.С.Иванов прочитал отчетный доклад за 2001/2002 учебный год. Традиционная актовая речь на этот раз была посвящена 800-летию IV Крестового похода. Доклад протоиерея Валентина Асмуса повествовал о трагических событиях Византии конца XII – начала XIII веков и о роли римского понтифика в губительном для Православного Востока католическом нашествии.

После окончания доклада были зачитаны приветствия от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и полномочного представителя Президента РФ в Центральном

федеральном округе Г.С.Полтавченко, а также другие приветственные телеграммы, поступившие в адрес Московских Духовных школ. Свои поздравления собравшимся преподнес и митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, почетный гость академического праздника.

По закрытии торжественного собрания и окончании обеденного перерыва участникам торжеств был предложен необычный концерт. В Большом актовом зале академии силами академического хора, хора мальчиков из Конакова и симфонического оркестра Московской Государственной филармонии была исполнена кантата «Александр Невский». Блестяще исполненное патриотическое произведение С.Прокофьева дополнило впечатление от актовой речи и таким образом завершило богословскую часть торжественных мероприятий по случаю академического праздника.

Исполнение кантаты «Александр Невский»

С 13 октября по 14 ноября в Малом актовом зале Церковно-археологического кабинета МДА проходила выставка «Троице-Сергиева Лавра глазами художников Сергиева Посада». В нашем городе работают многие художники, и не последнее место в их творчестве занимает обитель преподобного Сергия — главная святыня Сергиева Посада.

На выставке были представлены различные по художественным направлениям картины, но центральная тема — Троице-Сергиева Лавра — объединила всех их в стенах Духовных школ. Репродукции некоторых из представленных работ помещены на третьей странице обложки.

16—17 октября в Московской духовной академии для студентов Духовной школы проходили обучающие семинары «Роль Русской Православной Церкви в противостоянии эпидемии ВИЧ».

Семинары организованы Круглым столом по религиозному образованию и диаконии Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата совместно с общественной организацией «СПИД-инфосвязь».

Открывая семинар, сотрудник Круглого стола по религиозному образованию и диаконии Отдела внешних церковных связей М.Нелюбова подчеркнула важность обсуждения данной темы в связи с катастрофическим ростом числа ВИЧ-инфицированных.

Специалистами из «СПИД-инфосвязи» И.Кружковой и И.Крашенинниковой были приведены статистические данные о росте числа ВИЧ-инфицированных с 1987 по 2002 годы, способы передачи ВИЧ-инфекции, описаны эффективные способы профилактики и терапии СПИДа. Они также рассказали о практике социальной и психологической помощи ВИЧ-инфицированным. В ходе дискуссии обсуждались медицинские, психологические, социальные, юридические аспекты СПИД-проблематики.

В результате семинара участники пришли к следующему выводу: Церковь призвана через свои социальные инициативы и духовное влияние всячески содействовать прекращению распространения эпидемии, а также противостоять нравственной деградации общества — главной причине столь стремительного увеличения числа наркопотребителей и ВИЧ-инфицированных.

В этой связи участники семинара считают важным проведение подобных семинаров в духовных учебных заведениях, а также распространение этого опыта в различных епархиях Русской Православной Церкви.

В октябре исполнилось 10 лет со дня образования Православного Свято-Тихоновского богословского института. Редакция журнала

Юбилей Свято-Тихоновского института: торжественное заседание

«Встреча» от лица преподавателей и студентов московских Духовных школ присоединяются к поздравлениям, поступившим в адрес Института, и желают коллективу преподавателей во главе с ректором протоиереем Владимиром Воробьевым и учащимся и впредь с помощью Божией плодотворно трудиться на ниве духовного просвещения и церковной науки.

Многая лета!

13 ноября в Московской Духовной Академии состоялось первое заседание семинара «Богословские аспекты проблематики пола», в котором приняли участие студенты и преподаватели Московских духовных школ.

С докладами выступили священник Владимир Шмалий, диакон Алексей Давиденков, Павел Герасимов. В ходе семинара обсуждались следующие темы: «Образ Божий и половая дуальность человека», «Брак в раю, Ветхом завете и Церкви», «Эсхатологические перспективы таинства брака», «Прокреативный и униативный аспекты брака», «Православные богословы о таинстве брака», «Проблема соотношения «естественного закона» и нормы брака».

Предполагается обсуждение следующих тем: «Семья и регулирование рождаемости», «Брак или монашество?», «Аскеза в браке».

14 ноября в Актовом зале МДАиС состоялась лекция ведущего научного сотрудника Государственной Третьяковской галереи, кандидата искусствоведения М.В.Петровой. Это первая лекция из цикла встреч, посвященных творчеству великих отечественных художников.

В рамках лектория учащимся будут предложены следующие темы:

1. *Великая драма Александра Иванова.*

2. *Поэт задушевных движений* (о творчестве В. Г.Перова).

3. *Время, схваченное в образе* (о творчестве И.И.Шишкина).

4. В.М.Васнецов. «Снегурочка». *Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте.*

5. В.Д.Поленов. *Цикл картин «Из жизни Христа».*

6. М.В.Нестеров. *Цикл картин о преп. Сергии Радонежском.*

7. В.И.Суриков. *Историческая трилогия («Утро стрелецкой казни», «Меньшиков в Березове», «Боярыня Морозова»).*

8. Н.Н.Ге. *«Что есть Истина?»*

9. В.М.Васнецов. *Откровение исторических полотен.*

21 ноября в Большом актовом зале Московской Духовной Академии состоялась лекция профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже протоиерея Николая Озолина, посвященная выдающемуся богослову в области православной иконы, художнику-иконописцу, основателю иконописных школ во многих странах мира Леониду Александровичу Успенскому. В 2002 году исполняется 100 лет со дня его рождения.

По оценкам специалистов-иконологов, Леонид Александрович Успенский, «будучи великим мастером, олицетворением живого иконописного предания, вместе со своим сподвижником иноком Григорием Кругом несомненно является одним из крупнейших современных православных иконописцев».

Его теоретические труды, изданные на русском, греческом, английском, французском, немецком, итальянском, голландском, финском, румынском, польском, корейском языках, вызывали и вызывают

неизменный интерес и признание не только в православном, но и в инославном мире. Итоговый труд его жизни — монография «Богословие иконы Православной Церкви» справедливо оценивается как «один из самых значительных вкладов Русской Церкви в православное богословие XX столетия». Книга Л.А.Успенского «Богословие иконы Православной Церкви» была опубликована в переводах во Франции, Греции, США, Италии, Польше, Румынии. Ее русскоязычный оригинал вышел в 1989 году в Париже и дважды переиздавался в России.

По мнению протоиерея Николая Озолина, в своих богословских работах Л.А.Успенский исходит из глубоко церковного понимания православной иконы как «искусства собственно литургического», как выражения христианского Откровения в Церкви, наряду с Писанием и святоотеческим Преданием.

Икона, по Успенскому, «онтологически связана со всем комплексом православного вероучения». Л.А.Успенский кратко, но точно и емко прослеживает процесс постепенного становления изобразительного канона в христианской иконописи, воплощаемого в ее совершенно своеобразном языке. Не присущий никакому другому искусству, этот язык представляет собой сложившийся в многовековом опыте Церкви адекватный художественный способ выражения Богооткровенной Истины.

2 декабря в Московской Духовной Академии прошел традиционный праздник, посвященный памяти святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. Начавшись праздничной Божественной литургией, день продолжился торжественным заседанием, на котором преподаватель МДА протоиерей Максим Козлов сделал доклад о прославленном Святителе.

Затем был дан концерт; исполнялись духовные произведения различных авторов, а в завершении был представлен спектакль «Царь Федор Иоаннович» по одноименной пьесе А.К.Толстого. Постановка, осуществленная коллективом театра «Камерная сцена» под руководством

заслуженного деятеля искусств России М.Щепенко, вызвала живой интерес у студенческой аудитории.

17—20 декабря состоялась паломническая поездка братии Троице-Сергиевой Лавры в город Бари (Италия). В составе Братского хора в поездке приняли участие студенты Московских духовных школ. В день памяти святителя Николая Чудотворца Божественная литургия совершалась в подземной крипте древней базилики на престоле, устроенном над его мироточивыми мощами. Святитель Николай, всенародно любимый и почитаемый в России, был по достоинству прославлен в далекой католической Италии, где, по промыслу Божьему, ныне пребывают его святые мощи.

Детские рождественские праздники в МДА

7—9 января 2003 года в стенах Московской Духовной Академии прошли традиционные рождественские детские праздники. Сотни маленьких гостей Лавры, напутствуемые благословением ректора Академии архиепископа Евгения, приняли участие в святочных играх и конкурсах, организованных студентами Духовных школ. Трогательная открытость, искренность детей создали неповторимую атмосферу замечательного торжества, воспоминания о котором надолго сохранятся в сердцах всех его участников.

Материалы подготовил диакон Валерий Кузнецов, 5 курс МДС

